

1812-й годъ.

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

С.-Петербургъ, 17-го Мая 1812 г.

Какъ хорошо, что графъ Михаилъ теперь уже съ графомъ Сень-При, начальникомъ штаба, и съ Кретовымъ: общество ихъ такъ же пріятно, какъ жива и крѣпка ихъ дружба. Они отлично проводили время, въ добромъ здоровьи и хорошемъ расположеніи духа, выжидая или дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, или заключенія временнаго мира. Гренадерская дивизія графа Михаила была уже вся въ сборѣ, въ самомъ городѣ*), и Бенкендорфъ увѣрялъ меня, что лучше этой дивизіи нѣтъ во всемъ войскѣ. И въ Луцкѣ полкъ графа Михаила выдѣлялся отъ прочихъ, судя по медалямъ за Бадаржикъ, которыми украшены солдаты, больше чѣмъ на половину всего полка. Хозяйственная часть у графа Михаила тоже лучшая во всемъ войскѣ; но, вмѣстѣ съ этимъ, она и самая дорогая, по множеству лицъ состоящихъ при этомъ штабѣ постоянно, кромѣ еще офицеровъ сводныхъ батальоновъ и ротъ, среди которыхъ, конечно, и не могло быть полковыхъ командировъ имѣющихъ возможность расхотѣваться. Я, прямо, не понимаю, какъ можно, даже при самой строгой экономіи, удовлетворять всѣмъ нуждамъ, платя за все серебромъ, и когда серебряный рубль стѣдитъ с и н е н ь к у ю! Вообще, армія князя Багратіона считается самою лучшею, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали развязки вопроса, остающагося и теперь еще нерешеннымъ. Это служило къ тому, что солдаты, все болѣе горѣли

*) Луцкѣ.

желаніемъ поскорѣе встрѣтиться съ страшнымъ, неукротимымъ врагомъ, котораго весь міръ жаждетъ увидѣть побѣжденнымъ и изничтоженнымъ, съ помощію Промысла, такъ долго терпѣвшаго кровавыя дѣла этого изверга.

Конечно, я вамъ обязанъ, графъ, что имѣю счастье состоять при августѣйшей особѣ Государыни Императрицы, которая неимоверна добра и милостива ко мнѣ*). Продолжай я служить по Министерству Финансовъ, Гурьевъ, конечно, не смотря на свою неподапливость, не могъ бы, въ виду такой рекомендаціи, какъ ваша, не предоставить мнѣ нѣкоторыхъ служебныхъ преимуществъ, тѣмъ болѣе, что онъ удостоивалъ меня выраженіемъ своего хорошаго обо мнѣ мнѣнія. Теперь, что я больше не подъ его начальствомъ, все будетъ излишнее, чтобъ онъ утвердился въ своемъ обо мнѣ мнѣніи, хотя мнѣ нѣтъ уже надобности его вымаливать передъ его врожденною, непомерною гордостью. Вы, можетъ, удивитесь, графъ, что мое назначеніе вовсе не пришлось ему по душѣ; по крайней мѣрѣ, я, вполне убѣдился въ томъ. Не отъ того ли это, что о назначеніи моемъ не посоветовались съ нимъ, и что я не открылся ему, зная о томъ за мѣсяць до моего выздоровленія и назначенія? Въ обоихъ случаяхъ я вовсе не виноватъ; въ первомъ—все зависѣло единственно отъ воли Ея Величества; а что касается втораго, то я нахожу себѣ полное оправданіе въ совершенномъ равнодушіи Гурьева къ моей судьбѣ, а еще и въ моей жестокой болѣзни, которая почти что отнимала у меня надежду получить это назначеніе, не смотря на милостивое увѣреніе Ея Величества, что она будетъ ждать, когда я оправлюсь; я могъ опасаться, что ей наскучитъ, наконецъ, ждать. Гурьевъ, у котораго, вѣрно, былъ припасенъ на это мѣсто какой-нибудь племянничекъ, долженъ однако убѣдиться, вмѣстѣ со всѣми прочими, что я не по какимъ нибудь проискамъ получилъ мѣсто, а что оно, прямо, свалилось мнѣ съ неба, въ минуту, когда я менѣе всего могъ ожидать этого. Утѣшаюсь еще и тѣмъ, что я никому не перебилъ дороги, такъ какъ до меня при Императрицѣ не было секретаря. Гурьевъ, котораго я видѣлъ два раза послѣ моего назначенія, обошелся со мной крайне холодно; мнѣ любопытно будетъ посмотрѣть, произведетъ-ли на него какое нибудь дѣйствіе ваше послѣднее письмо.

Относительно даннаго вами министру Гурьеву порученія, онъ сказалъ, что ваше сіятельство освобождены отъ заключенныхъ вами съ казною

*) Въ Апрѣлѣ 1812 г. Н. М. Лонгинову повелѣно быть у исправленія письменныхъ дѣлъ при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ съ жалованьемъ изъ Кабинета по 2 тыс. Государыня прибавила ему еще своихъ денегъ по 4 т. въ годъ.

условіи; но онъ не былъ увѣренъ въ возможности продать землю въ Финляндіи, послѣ введенныхъ въ ней Шведскихъ законовъ. Трудно, конечно, найти, между нашими новыми подданными достаточно богатаго человѣка для покупки такого большаго имѣнія¹⁾. Однако, баронъ Ребиндеръ, статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи, недавно просилъ меня дать ему знать, рѣшится-ли ваше сіятельство продать свое имѣніе. Ему поручено, говорилъ онъ, купить земель для разныхъ лицъ новой Финляндіи, которыя желаютъ пріобрѣсть владѣнія недалеко отъ столицы. Между прочими, баронъ Армфельдъ купилъ землю у Копьева, въ 1200 душъ, за 240000 рублей. Цѣна громадная, сравнительно съ тою, которую вамъ предлагала казна. Впрочемъ, причиною всему паденію нашихъ ассигнацій; а во всякое другое время Копьевъ былъ бы очень радъ отдѣлаться отъ своей земли за половинную цѣну. Имѣніе вашего сіятельства, соображаясь съ цѣною Копьевскаго, пошло бы въ миллионъ съ лишнимъ, еслибъ его купили теперь; но гдѣ найти такого богача, если не раздробить имѣніе для продажи? Число богатыхъ покупателейъ уменьшается еще и потому, что всѣ Русскіе помѣщики бѣгутъ изъ Финляндіи, чтобъ основаться въ Россіи, такъ что скоро только помѣщики изъ Финновъ будутъ покупать, а у нихъ капиталы не велики.

Изъ Дунайской арміи получено здѣсь извѣстіе, что графу Кутзову повелѣно возвратиться въ Петербургъ. Если онъ пріѣдетъ сюда, заключивъ миръ, онъ будетъ торжественно принятъ; если же ему не удастся заключить миръ, то виновникомъ сего можетъ быть и не онъ, а глава нашей несчастной дипломатіи. Здѣсь, послѣдніе дни, говорятъ съ увѣренностію, что сей послѣдній²⁾ получитъ отставку, въ которую, конечно, самъ не просился. Давай Богъ! Говорятъ, что съ Турціей миръ заключенъ, но, какъ будто, не увѣрены въ его ратификаціи. Я не вѣрю ничему этому, не смотря на приводимое сильнѣйшее доказательство: извѣстіе о мирѣ такъ подѣйствовало на патріотизмъ канцлера, что его постигъ апоплексическій ударъ. Впрочемъ, отъ удара у него станетъ только одной странностію больше: у него перевернулось роть. Если Чичаговъ и Грейгъ не заключатъ этого желаннаго и столь необходимаго мира, никогда намъ не добиться его. Утверждаютъ, что, вмѣстѣ съ канцлеромъ, уволенъ и Кочубей, и что во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ будетъ Чичаговъ. Очень бы я желалъ

¹⁾ Это имѣніе (Крененбургъ) осталось непроданнымъ и по кончаніи графа Воронцова перешло въ собственность его дочери, леди Пемброкъ.

²⁾ Т. е. канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ.

сего, но не вѣрю; и мнѣ кажется, что Чичаговъ пойдетъ гораздо дальше Бухареста. Какая бы иначе надобность перемѣщать Грейга съ Балтійскаго моря, для совокупнаго дѣла съ Чичаговымъ? Во всякомъ случаѣ, всѣ должны быть довольны, и такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, что они оба призваны къ дѣлу. Князь Лобановъ *), военный губернаторъ Риги, извѣстный подъ прозвищемъ „князя мира“, уволенъ, и на его мѣсто назначенъ Эссенъ. Интендантъ Лабать тоже смѣщенъ. Замѣнилъ его князь Яшвилъ, артиллеріи генераль-маіоръ, вполне достойный офицеръ. Хотя Нарбонъ провелъ сутки въ Вильнѣ, но война, кажется, рѣшена.

*

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1812.

Вы находите, графъ, что Императрица слишкомъ скромна. Я вполне въ этомъ согласенъ съ вами, прибавляя къ этому ея излишнюю деликатность во всемъ, что она дѣлаетъ, вслѣдствіе чего я нисколько не обремененъ дѣлами. Моя самая главная работа заключается въ принятіи прошеній, которыхъ, по несчастью, чрезмѣрно много, въ настоящее бѣдственное время. Ея щедрое сердце никогда не отказываетъ въ помощи несчастнымъ; а я никогда такъ не жалѣлъ, что не имѣю дара живо передавать сильныя ощущенія, какъ теперь, при постоянной встрѣчѣ съ ними. Два раза въ недѣлю я дѣлаю Ея Величеству доклады по принятымъ прошеніямъ. Для другихъ надобностей Императрица присылаетъ за мной, или же я получаю отъ нея на домъ бумаги; но эти оба случая рѣдки, такъ какъ Ея Величество управляется обыкновенно сама съ большею частію дѣлъ. Ея доброта, любезность и вниманіе, при передачѣ мнѣ приказаній, превосходятъ всякое сравненіе; и ей прямо кажется, что она очень много даетъ мнѣ работы, тогда какъ мнѣ почти нечего дѣлать съ тою, которую она мнѣ предоставляетъ. Лѣтомъ я буду жить на дачѣ графини Строгановой, близъ Каменнаго острова, и тогда, быть можетъ, Ея Величество будетъ мнѣ давать больше дѣла, а то я могу со временемъ обратиться въ счастливаго человѣка. не имѣющаго никакого дѣла. Императрица уже вчера изволила переехать на Каменный островъ, и сегодня она спросила у меня, когда и я переѣду; на сколько я понялъ, спрашивала она объ этомъ, опасаясь, что меня утомятъ поѣздки къ ней отсюда.

Что Прутъ станетъ нашею границею, кажется дѣломъ рѣшеннымъ. Еще толкуютъ о наступательномъ союзѣ съ Турціей и о независимости Сербіи. Послѣднее такъ прекрасно, что боишься вѣрить этому, но горячо желаешь, чтобъ это подтвердилось. Это стоитъ цѣлыхъ царствъ!

*) Онъ заключилъ Тильзитскій миръ.

Во всякомъ случаѣ, если миръ и не принесетъ намъ ничего, онъ все же великое счастье въ настоящее время. Съ часу на часъ ожидаютъ начала непріязненныхъ дѣйствій, всякое сообщеніе съ Пруссіей прервано приказомъ Даву, который его напечаталъ и объявилъ во всеобщее свѣдѣніе; всѣ письма перехвачены и уничтожены ¹⁾. Это-ли не начало непріязненныхъ дѣйствій?

*

С.-Петербургъ, 18 Іюня 1812 г.

Вчера вечеромъ получено извѣстіе о вступленіи непріятеля въ Ковну. Никакого сраженія, какъ кажется, еще не было, изъ чего можно предположить, что генералу Баговуту повелѣно отступать не оказывая сопротивленія. Удивительнаго ничего не будетъ, если непріятелю, атакующему насъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ, удастся одержать верхъ надъ нами. Тогда какъ намъ приходится защищать границу въ 800 верстъ протяженія. Не по началу, а по исходу непріятельскихъ дѣйствій рѣшится наша судьба! Вся армія Багратіона двинулась на Бѣлостокъ и Гродну, уступая свое мѣсто арміи Торماسова, который будетъ наблюдать за Австрійцами въ Дубнѣ, Луцкѣ, Радзивиловѣ, и т. д. Составъ ея стотысячный.

Излишняя откровенность могла-бы быть недостаткомъ опаснымъ; но такъ какъ Императрица, до сихъ поръ, не считаетъ ея таковою, и такъ какъ я, кромѣ Ея Величества, ни съ кѣмъ изъ придворныхъ не имѣю никакихъ отношеній, то и надѣюсь избѣгнуть всякихъ каверзъ. Вы вполнѣ правы, графъ, что большаго счастья я не могъ бы получить. Я такъ проникнуть этой истиной, что никогда не перемѣню своего настоящаго положенія, если только мнѣ удастся сохранить довѣріе Императрицы. Вамъ извѣстны, графъ, ея доброта, кротость, равно какъ и ея положительный, твердый умъ; поэтому, вы можете знать, какъ я преданъ ей и какъ не подходить къ моимъ правиламъ предпочесть повышение служебное благополучію быть при лучшей изъ лучшихъ Государынь. Нѣтъ положенія и чина, которые, въ настоящее время, могли бы меня соблазнить и, если Господу угодно, а равно и Императрицѣ, я останусь при ней навсегда.

Я передалъ ваше порученіе графинѣ Строгановой ²⁾; она очень цѣнитъ вашу, графъ, о ней память. Я пишу вамъ на ея дачѣ, гдѣ имѣю помѣщеніе, чтобъ быть поближе къ Каменному острову. Вамъ

¹⁾ Спасенная нами въ 1807 году Пруссія ничего не сдѣлала, чтобы не принять участія въ нападеніи на насъ Наполеона.

²⁾ Графиня Софья Владимировна, дочь княгини Голицыной Усатой (Princesse Moustache).

и графинѣ съ ея супругомъ я считаю себя навѣки обязаннымъ. Государь много лѣтъ тому назадъ общалъ Императрицѣ найти ей секретаря; но, вслѣдствіе-ли забывчивости Государя, или по ненахожденію человѣка подходящаго, дѣло это оставалось безъ исполненія. Дѣлами Ея Величества завѣдывалъ статсъ-секретарь Молчановъ; но такъ какъ у него, при этомъ, было много обязанностей по дѣламъ Императора, то дѣла Императрицы оставались въ небреженіи, а частенько ихъ и вовсе забывали. Графъ Строгановъ воспользовался случаемъ, чтобы назвать меня, а такъ какъ Императрица уже слышала раньше добрые отзывы графа и графини обо мнѣ, то и соизволила испросить у Государя мое къ ней назначеніе, ни разу меня не видѣвши до указа объ опредѣленіи меня секретаремъ при ней.

*

С.-Петербургъ, 5 Іюля 1812.

Дня три назадъ, Ея Величество спрашивала меня о вашемъ здоровьи, графъ. Я воспользовался этимъ, чтобъ засвидѣтельствовать Ея Величеству о вашей къ ней безпредѣльной преданности. „Значить, я не въ долгу передъ графомъ“, прибавила Императрица, „такъ какъ трудно уважать кого-нибудь болѣе того, какъ я уважаю графа Воронцова; и я васъ прошу, первый разъ, что вы ему будете писать, передать ему мой поклонъ. Я очень жалѣю, что наше съ нимъ знакомство было такъ непродолжительно; но, тѣмъ не менѣе, я и за это короткое время, успѣла его узнать, оцѣнить и поэтому уважаю его съ особенною искренностью. Пожалуйста-же, не забудьте все это написать графу, прибавивъ, что я часто вспоминаю о немъ съ большимъ удовольствіемъ“ (*).

*

С.-Петербургъ, 27 Іюля 1812 г.

Вчера, поздно вечеромъ, прибылъ на Каменный островъ адъютантъ Его Величества князь Любомирскій, съ подтвержденіемъ извѣстія о соединеніи, подъ Смоленскомъ, 23-го сего мѣсяца, армій Барклая и Багратиона. Я только что отъ князя Любомирскаго, къ которому ходилъ справиться о графѣ Михайлѣ, и я вполне доволенъ, что могу вамъ сообщить, что князь его видѣлъ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ сюда, въ полковомъ штабѣ, вмѣстѣ съ графомъ Сень-При. За неимѣніемъ писемъ отъ дорогаго вашего сына мнѣ казалось, что личное свидѣтельство князя будетъ вамъ пріятно, какъ вполне достовѣрное. Послѣ послѣднихъ его писемъ, отъ 28 Іюня, которыя я имѣлъ честь вамъ

*) Въ полугодное (1802) пребываніе свое въ Россіи графъ С. Р. Воронцовъ сопровождалъ императрицу Елисавету въ Швецію, куда она ѣздила повидаться съ своею сестрою, Шведскою королевою.

переслать, я не получалъ отъ него прямыхъ извѣстій; да и нельзя было и ожидать таковыхъ, при постоянномъ движеніи арміи Баграціона, которому, для достиженія Смоленска, пришлось пройти такое огромное пространство. Въ этомъ знаменитомъ городѣ, 23-го сего мѣсяца, сошлись два главнокомандующіе: Барклай съ Баграціономъ, и генералъ Платовъ, чтобы отобѣдать вмѣстѣ! Расположеніе нашихъ армій подъ Смоленскомъ такое крѣпкое, что врядъ ли Бонапартъ рискнетъ напасть тутъ на насъ, и опасаются, какъ бы онъ не свернулъ на Кіевъ, въ то время, какъ Тормасовъ будетъ занятъ Шварценбергомъ и Ренъе, стоящими во главѣ Австрійцевъ и Саксонцевъ. Я посылаю послѣдніе отчеты барону Николаи*), прося его доставить ихъ вамъ съ настоящимъ письмомъ. Вы узнаете о блестящей побѣдѣ корпуса Витгенштейна надъ знаменитымъ корпусомъ Удинѣ, отъ котораго, послѣ трехдневной битвы, почти ничего не осталось. Но графъ Витгенштейнъ не удовольствовался этою побѣдою: по вчерашнимъ извѣстіямъ, онъ преслѣдовалъ послѣдніе остатки непріятеля и былъ уже въ 15 верстахъ отъ Полоцка, захвативъ еще тысячу человѣкъ плѣнными, кромѣ взятыхъ за эти три дня битвы. Ожидаютъ, что на обратномъ пути онъ найдетъ много пушекъ, брошенныхъ непріателемъ въ сосѣднія рѣчки, озѣра и рѣки, которыхъ тамъ множество. Неизвѣстно, что случилось съ Удинѣ, и даже сами плѣнные говорятъ, что уже съ 3-го дня сраженія о немъ ничего не знали, послѣ того, какъ онъ имъ роздалъ много водки, и увѣрилъ, что самъ Бонапартъ прибылъ и лично участвовалъ въ сраженіи. Всѣ въ этотъ день взятые въ плѣнъ, начиная отъ солдата до генерала, были мертвецки пьяны. Корпусъ Витгенштейна состоялъ изъ 25 т. человѣкъ; но въ бою было только 17 т. противъ 30 тысячъ непріятеля, такъ что у Витгенштейна есть еще свѣжія части его корпуса, чтобъ отразить Макдональда, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, начиналъ уже отступать послѣ неудавшагося намѣренія окружить Витгенштейна и отгѣснить его даже до Петербурга.

Третьяго дня было, по случаю побѣды Витгенштейна, молебствіе. Графу, какъ человѣку очень бѣдному, положена пенсія въ 12 т. р., переходящая послѣ него къ его женѣ, которая пожалована въ кавалерственныя дамы ордера Св. Екатерины. Вы увидите, графъ, какъ всѣ донесенія графа Витгенштейна ясны и не хвастливы, тогда какъ, вообще донесенія первой арміи очень запутаны, а подъ часъ совсѣмъ непонятны. Графъ Паленъ, такъ отлично дѣйствовавшій подъ Витебскомъ съ нашимъ арьергардомъ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты,

*) Баронъ Павелъ Андреевичъ Николаи былъ нашимъ посланникомъ въ Даніи.

что вполне заслужено имъ. Дѣло Торماسова, подъ Кобринымъ, одно изъ блестящихъ. Если онъ будетъ также успешно продолжать, то возможно, что окажется въ тылу великой арміи великаго человѣка и великой націи, которыхъ и низведетъ съ ихъ хвастливаго величія. Надѣются, что генералу Ревье не уйти отъ Торماسова, что дастъ хорошій оборотъ нашимъ дѣламъ и приведетъ къ побѣдѣ. Впервые услышали мы о гнусномъ Шварценбергѣ и объ Австрійцахъ, и всѣ удивлены, что они уже такъ далеко проникли вглубь страны.

Императоръ тутъ, и еще неизвѣстно, вернется-ли онъ къ арміи или нѣтъ. Большинство увѣряетъ, что онъ пріѣдетъ; но возвращеніе графа Румянцова и Кочубея, прибывшихъ сюда три дня тому назадъ, даетъ право сомнѣваться въ этомъ. Ополченіе формируется чрезвычайно быстро. Сформированіе онаго и начальство надъ нимъ поручено графу Кутузову. Я посылаю вашему сіятельству копію съ манифеста объ ополченіи. Прибавлю, что любовь къ отечеству и общее восторженное состояніе духа выступили при этомъ во всей своей полнотѣ, и только надо удивляться невѣроятнымъ жертвамъ приносимымъ на алтарь отечества.

*

С.-Петербургъ, 28 Іюля 1812 г.

Все что вы изволите мнѣ писать на счетъ того, что благоразуміе требуетъ держаться войны оборонительной, вполне справедливо, по положенію нашихъ финансовъ и по нашимъ политическимъ отношеніямъ изъ за промедленія заключить во время миръ съ Англіей. Россіи, безъ субсидій, нельзя и на десять шаговъ переступить свою границу, особенно по нашимъ филантропическимъ убѣжденіямъ, которыя основаны на ложной щепетильности и за которыми неизбѣжно слѣдуютъ полумѣры, какъ это и было, во всѣ наши войны съ Бонапартомъ. Россія должна Австріи 12.000.000 флориновъ за Аустерлицкую кампанію, въ которую она лишилась такъ много солдатъ, какъ въ бояхъ, такъ и отъ голода; солдатъ, присланныхъ для защиты Австріи! Въ прошломъ году Пруссіи было заплачено около 6.000.000 талеровъ за кампанію 1807 г., въ которую мы не взяли куска хлѣба, не заплативъ наличными или не выдавъ квитанцій, по которымъ было потомъ заплачено сполна. А, между тѣмъ, доподлинно извѣстно, что нашимъ войскамъ часто приходилось голодать, и что они и тогда ничего не брали силою; Австрія же и Пруссія мало заботились о предоставленіи имъ необходимаго. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій было то, что тамъ, гдѣ мы во всемъ терпѣли недостатокъ, непріятель находилъ избытокъ всего. Пока мы не оставимъ этихъ пріемовъ (не доброты, а сла-

бости) мы никогда не сможемъ бороться съ непріятелемъ одинаковыми силами и перейти въ наступательную войну, за предѣлами Россіи. Бонапартъ, у котораго нѣтъ ничего святаго, тащить за собой цѣлое поколѣніе Европы и революцію. Онъ такой же мощный, какъ и ужасный врагъ по духу разрушенія; но вѣдь и его можно побѣдить, и Россія, какъ я надѣюсь, докажетъ ему это. Намъ только и оставалось вести войну оборонительную, но не слѣдовало доводить ее до настоящаго положенія вещей. Безъ всякаго сопротивленія, Бонапарту дали завладѣть мѣстностію до Двины и даже до Днѣпра; онъ въ 350 в. отъ Москвы, и какъ знать, чѣмъ можетъ кончиться генеральное сраженіе? Кажется, у насъ ошибочно считались съ примѣромъ Испаніи и Португаліи, не сообразивъ, какъ мало Польша имѣетъ съ ними сходства. Развѣ въ ней есть неприступныя горы, ущелія? Развѣ ея подлые жители, чуждые любви къ отечеству, какъ и всякаго благороднаго, великодушнаго чувства, жертвуютъ своими домами и прочимъ добромъ, чтобы не оставить ихъ непріятелю? Испанцы и Португальцы заслужили безсмертную себѣ славу, отстаивая съ оружіемъ въ рукахъ свою независимость отъ Бонапарта; а Поляки, напротивъ, ждутъ его какъ Мессію и освободителя для возстановленія прежняго царства Польскаго и для возвращенія этому племени, недостойному считаться націею, его имени. Я презираю Поляковъ еще больше, чѣмъ Французовъ, за ихъ неумѣніе сохранить себя какъ государство, и за нежеланіе по своей страсти къ анархіи, безпорядку и измѣнѣ, присоединяться къ какому нибудь иностранному государю. По всему этому, вопросъ становится очень важнымъ, и невозможно предрѣшать его послѣдствій. По мѣрѣ того, какъ мы отступаемъ, Бонапартъ создаетъ царство, которое, конечно, сдѣлаетъ своимъ; а изгнать врага изъ его владѣній куда какъ труднѣе, чѣмъ побѣдить его. За Россію я нисколько не боюсь, зная храбрость и любовь ея народа къ отечеству. Какому нибудь Тамѣрлану удалось-бы легче ее покорить, чѣмъ Бонапарту со всею Европою, такъ какъ Россія, и за Ураломъ, все же останется страшною и для него, и для Европы. Но наша оборона, по Двинѣ и Днѣпру, обойдется намъ въ тридорога противъ того, во что должна бы стать. Всѣ Поляки до единаго воспрянули: едва Платовъ выступилъ изъ Бѣлостока, какъ они вооружились и напали на остававшихся тамъ Русскихъ. Но и пораскалялись же они въ этомъ, когда Платовъ, повернувъ назадъ, сжегъ Бѣлостокъ и перебилъ всѣхъ его жителей, найденныхъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ именемъ Бонапарта на устахъ. А въ Вильнѣ, за два дня до вступленія въ нее Французовъ, громко уже говорили о новомъ правительствѣ. Вотъ какое состояніе умовъ, не говоря объ естественныхъ условіяхъ мѣстности, которую хотятъ уподобить Испаніи. Фран-

пузы, встрѣченные ихъ друзьями, вошли къ намъ свободно, не имѣя надобности въ переходѣ черезъ Пиринеи и Сиерра-Морену, и въ бою на каждомъ шагу, съ каждымъ жителемъ страны, въ которую они вторглись. Если мы выиграемъ сраженія на Двинѣ и Днѣпрѣ, то сколько еще останется одержать побѣды до изгнанія врага за Нѣманъ. Вынужденные пока только обороняться, надѣюсь, если Господь благословитъ насъ побѣдами, мы не останемся спокойными зрителями бѣгства непріятели, такъ какъ судьбу Европы никогда не рѣшить оборонительною войною, какъ и не такую войною уничтожить бичъ челоуѣчества!

Многія страны жаждутъ уже свергнуть давящее ихъ иго, но соединеніе ихъ во едино не возможно, пока Россія не перейдетъ въ наступленіе. Правда, что очень еще далеко отъ стѣнъ Москвы до наступательной войны за предѣлами Россіи, но несомнѣнно, что только тогда кончатся бѣдствія Европы и прекратится революція. Карлъ XII былъ очень опаснымъ врагомъ, но онъ не былъ революціонеромъ, и намъ была страшна только его сила, тогда какъ въ настоящее время надобно больше воевать мѣнѣями и умами, чѣмъ войсками, что не всегда удается съ челоуѣкомъ такимъ вѣроломнымъ и съ такими ужасными спутниками, каковъ Бонапартъ и его приверженцы. Да и все войско Карла равнялось одной дивизіи Бонапарта. Долго будутъ чувствоваться бѣдствія и разореніе страны отъ варварства этихъ современныхъ Гунновъ. Теперь никто ужъ не удивляется, какъ Бонапартъ достаетъ деньги и людей, чтобъ воевать; на такой способъ веденія войны, какого онъ до сихъ придерживался, всегда найдутся и люди, и деньги. Его можно будетъ одолѣть только его собственнымъ оружіемъ, т. е. когда его лишатъ возможности употреблять его въ дѣло и направлять его противъ него же самого; но только одни Испанцы, кажется мнѣ, способны это доказать на дѣлѣ, а они доведены до такого отчаянія, что приступаютъ къ этому. Бургосскіе разстрѣлы ужасны; но думаю, что Французы не посмѣютъ уже болѣе разстрѣливать инсургентовъ, какъ они ихъ называютъ. Испанцы имъ доказали, что изъ этихъ инсургентовъ состоитъ вся Испанія. Отъ нашихъ Поляковъ нельзя ожидать такихъ подвиговъ, и единому Господу вѣдомо, что станетъ съ Россіей. Хотя я увѣренъ, что наши люди не примутъ дара свободы отъ подобнаго чудовища, но все же нельзя не тревожиться. Слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что нашъ солдатъ не такъ годенъ для оборонительной войны, какъ Нѣмецкій или Англійскій. У насъ скоры видѣтъ измѣну и падать духомъ, при чемъ побѣды становятся невозможными. Цѣлые корпуса уже отказывались идти, особенно корпусъ гр. Шувалова. До Свѣднцянъ наши солдатки выказали себя очень терпѣливыми,

но послѣ Дриссы и Витебска не было возможности ихъ сдерживать. вмѣстѣ съ необходимостью сформировать ополченіе, это и было поводомъ оставленія Императоромъ арміи. Въ Смоленскѣ былъ почти бунтъ, ибо народъ не можетъ понять отступленіе 400.000 войска, уступающаго непріятелю пять громаднѣхъ губерній, безъ единого выстрѣла, и въ этомъ стали обвинягъ Нѣмцевъ. Судите же, какое ужасное и затруднительное положеніе! Солдаты наши сражаются отлично; но, чтобъ они могли побѣдить врага, ихъ нужно вести на него. Избави насъ Богъ отступать; и еслибъ это продолжилось, солдаты наши сами пойдутъ въ бой, безъ начальства, безъ всякаго порядка, и сразятся навѣрняка. Такого мнѣнія держались всѣ наши генералы при обсужденіи плана Пфуля и принца Ольденбургскаго о дальнѣйшемъ отступленіи. Всѣ пришли въ негодованіе отъ него, что дѣлаетъ честь нашимъ достойнѣйшимъ корпуснымъ и дивизионнымъ начальникамъ, подобныхъ которымъ не найдется у непріятеля. Несчастіе въ томъ, что нѣтъ достойной главы, чтобъ руководить всѣми.

Единственный кому можно бы ввѣрить армію, это графъ Кутузовъ; но, кажется, что ему хотять дать въ распоряженіе только ополченіе, а, чтобъ не дѣлать его фельдмаршаломъ, его сдѣлають княземъ за Турецкую кампанію и за послѣдовавшій за ней миръ. Ему предложили на выборъ: получить княжескій титулъ или его супругу сдѣлать кавалерственной дамой. Онъ предпочель первое, говоря, что не жена его вела войну и заключала миръ, и что изъ двухъ наградъ онъ выбираетъ наименьшую, такъ какъ титулъ князя, за неимѣніемъ у него сына, угаснетъ съ нимъ. При составленіи ополченія, наши выказали, до чего сильна ихъ любовь, къ отечеству и какаѣ въ нихъ бодрость духа. Здѣсь охотно даютъ 10 человекъ со 100, и въ нѣсколько дней 2000 человекъ были уже готовы къ выступленію. Можно привести еще множество примѣровъ изумительной любви къ родинѣ и такихъ щедрыхъ пожертвованій, подобныхъ которымъ въ другихъ странахъ съ трудомъ найти. Молодой графъ Мамоновъ, камергеръ и прокуроръ Сената, Московскаго присутствія, предложилъ 7000 тысячъ своихъ душъ, 300,000 рублей и на 800,000 рублей брилліантовъ. Государь принялъ только десять человекъ со ста, разрѣшивъ ему составить полкъ изъ своихъ крестьянъ. Молодой графъ Мамоновъ, не бывши самъ никогда въ военной службѣ, просилъ сдѣлать его только офицеромъ въ этомъ полку, а командиромъ его назначенъ полковникъ князь Четвертинскій*).

*) Борисъ Антоновичъ, братъ Маріи Антоновны Нарышкиной, но вовсе съ нею не дружный; она же въ это время утратила уже свое значеніе.

Молодой графъ Салтыковъ, сынъ фельдмаршала Ивана Петровича, составилъ, на свои средства, полкъ легкой кавалеріи, а одинъ изъ князей Гагариныхъ—стрѣлковый. Дочь графа Алексѣя Орлова дала 275,000 р. серебряной монетой и тысячу лошадей. Слишкомъ было бы долго перечислять вамъ, графъ, много и другихъ подобныхъ примѣровъ.

Графъ Кутузовъ командуетъ Петербургскимъ ополченіемъ, а графъ Толстой, бывший посланникъ, Московскимъ и четырехъ другихъ губерній. Ополченцамъ оставленъ простонародный кафтанъ, только онъ нѣсколько укороченъ и болѣе приспособленъ для военнаго времени.

Графы Румянцевъ и Кочубей возвратились покрытые позоромъ, болѣе чѣмъ грязью и пылью. Оба въ полнѣйшемъ у всѣхъ презрѣніи. Чичаговъ не возвращался; его даже и не ждутъ, въ виду морской экспедиціи, которая будетъ подъ его начальствомъ. Новосильцевъ при арміи и слѣдуетъ за дивизіей графа Строганова. А здѣсь, недѣли двѣ, его считали уѣхавшимъ въ Англію. Чарторижскій въ Венгріи для пользованія водами, въ которыхъ вовсе не имѣеть надобности; но, въ настоящее время, это единственное ему остающееся дѣло.

*

С.-Петербургъ, 9 Августа 1812.

Кутузовъ сдѣланъ третьяго дня генералиссимусомъ (хотя онъ не фельдмаршалъ) надъ тремя арміями, которыя въ Польшѣ, а Бенигсенъ— главнокомандующимъ 1-ой арміи, на мѣсто Барклая-де-Толли, которому предоставлено остаться тамъ или вернуться, какъ ему заблагоразсудится. Этого назначенія давно всѣ желали, такъ что теперь всѣ чрезвычайно довольны этою перемѣною. Надежды наши оживились съ подчиненіемъ всего нашего войска одному лицу, что единственный способъ для одолѣнія врага, которому благоприятствовало, въ бояхъ съ нами, это раздѣленіе нашихъ армій подъ начальствомъ трехъ генераловъ съ одинаковыми полномочіями. Къ тому же, новый главнокомандующій доказалъ, что умѣеть сражаться и побѣждать. Когда дѣло идетъ о спасеніи государства, тутъ уже не до испробованія дарованій генераловъ. Барклаю немислимо быть главнокомандующимъ и распоряжаться судьбою войскъ, которымъ онъ не вселяетъ довѣрія и любви которыхъ, какъ равно и генераловъ, онъ не сумѣлъ заслужить своимъ тяжелымъ характеромъ; терпѣніе же солдатъ совсѣмъ истощилось Барклай очень хорошъ, какъ военный министръ, и былъ бы отличнымъ генераломъ подъ начальствомъ другаго. Богъ знаетъ почему, но дѣла наши были плохи, хотя мы не терпѣли большихъ уронновъ, и нужно признать, что Провидѣніе до сихъ поръ оберегало насъ, быть можетъ, для того, чтобъ

мы окончательно восторжествовали надъ общимъ тираномъ. Князь Кутузовъ отъѣзжаетъ завтра. Бенигсенъ въ Смоленскѣ, и въ настоящую минуту, можетъ быть, онъ уже принялъ начальство надъ своей арміей. Говорятъ, онъ объявилъ, что не приметъ начальства ни надъ какой арміей, иначе какъ при Кутузовѣ, что и рѣшило назначеніе послѣдняго. Бенигсену дѣлаетъ честь, что онъ выдвинулъ достоинства того, передъ превосходствомъ талантовъ и передъ патриотизмомъ котораго онъ преклоняется. Для Кутузова дни великіе, и я вполне увѣренъ, что почтенный старикъ оправдаетъ довѣріе Государя и народа. Справедливость требуетъ, однако, прибавить, что Барклай давно уже просилъ уволить его, такъ какъ сознавалъ, что его распоряженія не вселяютъ довѣрія войскамъ.

Государь отбылъ сегодня ночью въ Або. На предстоящее свиданіе возлагаютъ надежды. Канцлеръ отбылъ туда же, тремя днями раньше, адмиралъ Бентигъ выѣхалъ вчера также въ Або.

*

С.-Петербургъ, 21-ое Августа 1812 г.

Я такъ счастливъ, что могу дать вамъ еще болѣе свѣжія извѣстія о здоровьи вашего дорогаго сына, полученныя мною, хотя и не прямыми путями, но вполне достовѣрными. Во первыхъ, Ея Величество Государыня Императрица сообщила мнѣ, по своей добротѣ, тѣ извѣстія, которыя ей привезъ Великій Князь *), пріѣхавшій сюда пять дней тому назадъ. Узнавъ отъ меня, что послѣ Смоленскаго сраженія я не имѣлъ вѣстей отъ графа Михаила, Императрица изволила мнѣ сообщить, что она подробно спрашивала о немъ Великаго Князя, который сказалъ ей, что видѣлъ его 10-го, въ Дорогобужѣ, совершенно здоровымъ, и что его дивизія не была въ дѣлѣ подъ Смоленскомъ. Императрица поручила мнѣ обо всемъ этомъ тотчасъ же сообщить вашему сіятельству.

Затѣмъ, Вильсонъ, пріѣхавшій сюда одновременно съ Великимъ Княземъ, сообщилъ мнѣ слово въ слово тоже, что Императрица, прибавивъ, что онъ жилъ у графа Михаила все время своего пребыванія въ арміи; что здоровье его отличное, расположеніе духа удивительное, и что его дивизія изъ ряду вонъ по своему превосходному состоянію. Письмо отъ графа къ вамъ Вильсонъ переслалъ лорду Каткарту, въ самый день своего пріѣзда сюда. Я очень пожалѣлъ, что не могъ, тѣмъ же днемъ, послать вамъ мое письмо обо всемъ этомъ; но я только въ двѣнадцать часовъ видѣлъ Императрицу, а Вильсона послѣ обѣда, почта же закрывается въ часъ, а съ Каменнаго острова до нея далеко.

*) Константинъ Павловичъ.

Вчера я видѣлъ Новосильцева, наканунѣ пріѣхавшаго сюда. Последній кого онъ видѣлъ, выѣзжая изъ Вязьмы, 12-го числа, былъ графъ Михаилъ. Онъ подтвердилъ мнѣ, что никогда не видѣлъ его такимъ здоровымъ, и что онъ, Новосильцевъ, былъ счастливъ проводить все время съ нимъ и съ графомъ Строгановымъ, со дня соединенія армій до своего отъѣзда. Онъ превозноситъ графа Михаила, который по общему дружному голосу заслужилъ довѣріе начальствующихъ, уваженіе подчиненныхъ, обожаніе солдатъ, которыми онъ вполне достоинъ командовать. При этомъ онъ привелъ мнѣ слова генерала Тучкова, сказанныя имъ въ обществѣ у графа Толстаго, во время войны въ Пруссіи, слова одинаково дѣлающія честь тому, кто ихъ сказалъ, какъ и тому, къ кому они относились. Шла рѣчь о молодыхъ офицерахъ, отличившихся въ послѣднюю кампанію, и между ними первымъ назвали графа Михаила. „Да это дерево“, сказалъ Тучковъ (имѣющій привычку говорить съ перерывами; всѣ съ удивленіемъ уставились на него, такъ какъ всѣ до одинаго были согласны въ признаніи храбрости вашего сына), „изъ котораго тешутъ фельдмаршаловъ“, добавилъ Тучковъ*). Вы легко себѣ можете представить, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести такой отзывъ Тучкова, котораго всѣ чрезвычайно уважаютъ, какъ, дѣйствительно, достойнѣйшаго и храбрѣйшаго изъ нашихъ корпусныхъ и дивизионныхъ генераловъ. Въ настоящее время онъ командуетъ 3-мъ корпусомъ, также, кажется, отличившимся подъ Смоленскомъ.

Краткость письма, которое я пересылаю вашему сіятельству, показываетъ, какъ графъ Михаилъ торопился, писавши его, тѣмъ болѣе, что мнѣ онъ черкнулъ всего пять строкъ, чтобъ только сказать, что старшій братъ мой, вступившій въ Нарвскій полкъ, былъ уже въ дѣлѣ, но остался живъ и невредимъ. Этотъ полкъ, какъ я уже, кажется, говорилъ вашему сіятельству, не входитъ въ составъ дивизіи графа Михаила. Я опасаясь, какъ бы краткость письма графа Михаила не дала вашему сіятельству ложнаго представленія о битвѣ подъ Смоленскомъ, развѣ только, что въ своемъ къ вамъ письмѣ, чрезъ Вильсона, онъ не сообщилъ вамъ нѣкоторыя подробности о немъ. Не лишнимъ однако будетъ, если я скажу вамъ объ этомъ дѣлѣ со словъ очевидцевъ, какъ своихъ, такъ и иностранцевъ. Изъ посланнаго мною вашему сіятельству донесенія, отъ 3-го Августа, вы изволили видѣть, что бѣольшая часть непріятельской арміи двинулась

*) Фельдмаршалскій жезлъ данъ былъ Воронцову лишь въ 1856 году, за немного мѣсяцевъ до его кончины.

къ Днѣпру, чтобъ, перейдя его, идти на Ляды, въ Красное. Генераль-маіоръ Невѣровскій, находившійся въ этомъ городѣ, съ отрядомъ отъ 4 до 5 т. человекъ, долженъ былъ получить подкрѣпленіе отъ 7-го корпуса подъ командою генераль-лейтенанта Раевского, которому приказано было тоже перейти Днѣпръ. Но Французы опередили его, и Невѣровскій, видя себя окруженнымъ 18 тысячнымъ непріятельскимъ войскомъ, принялъ геройское рѣшеніе пробиться черезъ непріятеля и привелъ это тотчасъ въ исполненіе. Увы! онъ потерялъ при этомъ почти всю свою кавалерію, но вышелъ сомкнутыми рядами на соединеніе съ корпусомъ Раевского. Непріятель, превосходившій числомъ этотъ корпусъ и находившійся въ болѣе благопріятной мѣстности для сраженія, чѣмъ мы, напалъ на Раевского, который, въ отличномъ порядкѣ, отступилъ къ Смоленску для защиты этого города, тотчасъ же бомбардированнаго Французами. Пока все это происходило на лѣвомъ берегу Днѣпра, Бонапартъ атаковалъ армію Барклая съ фронта. По расположенію мѣстности не представлялось возможнымъ пустить одновременно обѣ арміи въ дѣло, поэтому Багратиону велѣно было стать за Смоленскъ; да изъ арміи Барклая всего только 3 корпуса были въ дѣлѣ, а именно: корпусъ Тучкова, Баговута и графа Остермана-Толстаго. Корпусу Дохтурова, которому мѣстность не позволяла принять участія въ боѣ, повелѣно было замѣнить корпусъ Раевского въ Смоленскѣ, а послѣднему—идти на соединеніе съ остальною частью арміи Багратиона. Французы были отбиты со всѣхъ сторонъ, какъ съ фронта, такъ и въ Смоленскѣ, и прекратили атаку, потерявъ болѣе 20 тысячъ убитыми и ранеными. Наша потеря была, какъ говорятъ, отъ 7 до 8 тысячъ. На другой день Барклай отдалъ приказъ объ общемъ отступленіи всей арміи, не исключая корпуса Дохтурова, стоявшаго въ самомъ Смоленскѣ. Дохтуровъ два раза дѣлалъ представленіе, что онъ въ состояніи защитить городъ, а что если ему дадутъ подкрѣпленіе тысячъ въ 8, онъ будетъ въ силѣ, въ продолженіи десяти дней, удерживать всю армію Бонапарта. Однакожъ, рѣшительный приказъ главнокомандующаго заставилъ его покинуть городъ. Онъ отслужилъ молебень передъ чудотворною иконою Смоленской Божіей Матери и, повелѣлъ нести, снявъ ее съ большою торжественностью, все время передъ войскомъ. Армія продолжала отступать на Дорогобужъ и далѣе, на Вязму, а непріятель, по мѣрѣ нашего отступленія, занималъ оставляемые нами мѣста.

По послѣднимъ извѣстіямъ, непріятель былъ въ Дорогобужѣ. Кутузовъ долженъ былъ найти нашу армію въ Вязмѣ. Сегодня ожидаютъ извѣщенія объ его прибытіи въ армію, вмѣстѣ съ Бенигсеномъ,

котораго онъ взялъ съ собою. Можно ожидать перемѣны въ направленіи нашихъ дѣйствій, такъ какъ только оставалось сдать Москву, послѣ того что сдали всѣ къ ней преддверія, не смотря на то, что мы всюду брали верхъ надъ непріятелемъ, который не можетъ похвастаться болѣе чѣмъ 2000 плѣнными, тогда какъ у насъ ихъ болѣе 20 тыс., не считая плѣнныхъ графомъ Витгенштейномъ, въ его сраженіяхъ съ Удино и съ Баварцами.

Вотъ каковы, графъ, подробности этого въ сущности удачнаго дѣла, но очень несчастнаго по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ, не считая гибели магазиновъ, которые мы сами всюду уничтожали, жестокий врагъ оставляетъ всюду послѣ себя разрушеніе и запустѣніе. Нравственное впечатлѣніе, производимое всѣмъ этимъ, какъ внутри Имперіи, такъ и за рубежомъ, необходимо изгладить многими кровавыми побѣдами, исходъ которыхъ далеко еще не извѣстенъ. Какъ убѣдить Европу, что мы побѣждаемъ, когда Бонапартъ, взятіемъ Смоленска и всей мѣстности до самой Москвы, имѣетъ въ рукахъ очевидное, хотя и невѣрное, доказательство противнаго? Въ настоящую пору изобилія всѣхъ жизненныхъ припасовъ, они всѣ въ его власти, а позади у него Польша, сильно укрѣпляющаяся, чтобъ причинить намъ возможно больше вреда, предупредить который было бы много легче, чѣмъ уничтожить. Никто не сомнѣвается въ томъ, что Кутузовъ оставитъ этотъ Нѣмецкій образъ дѣйствій, придуманный Пруссаками и перенятый Австрійцами, основанный на осторожности и военной выправкѣ, и совершенно чуждый нашимъ войскамъ, которыя привыкли, послѣ побѣдъ, двигаться впередъ, а не со стыдомъ отступать, при сознаніи, что они того не заслужили. Этотъ недостойный образъ дѣйствій обойдется намъ дорого, такъ какъ Бонапартъ укрѣпляетъ Смоленскъ и всѣ сколько нибудь удобныя для защиты мѣста. При славномъ воспоминаніи о полутороговой защитѣ Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, сердца всѣхъ въ настоящую минуту обливаются кровью. Впрочемъ, всѣ увѣрены, что Бонапарту погибнуть въ борьбѣ съ нами, и войско наше жаждетъ, какъ можно скорѣе, доказать ему это. Бонапартъ, познакомившись уже со стойкостью Русскаго солдата, порядкомъ побаивается его. Но, чтобъ пресѣчь гидру революціи и дальнѣйшіе успѣхи этого звѣря-Бонапарта, у насъ, боюсь, не достанетъ средствъ, и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы будемъ вынуждены заключить какой бы то ни было миръ, если только Англія не рѣшится на жертвы, доселѣ ей незнакомыя, т. е., если не дастъ намъ чѣмъ пополнить неизбѣжный недочетъ нашего казначейства отъ такого Тевтонскаго способа веденія войны, черезъ который мы потеряемъ треть, если не половину, дохо-

довъ государства. Петръ I, хотя и велъ подобную войну, но не доходилъ до такихъ предѣловъ; да при томъ у него не было ни копѣйки долга, и по его кончинѣ нашли еще много туго набитыхъ сундуковъ. Безполезны, впрочемъ, всякія сравненія между людьми и обстоятельствами, ибо вѣкъ Петра былъ совсѣмъ иной, чѣмъ нашъ; но, при видѣ того что творится, невольно обращаешься къ болѣе отдаленному времени, къ IV-му вѣку, хотя для Бонапарта слишкомъ велика честь уподоблять его Аттиль, котораго онъ превзошелъ въ варварствѣ; скорѣе это—новый Батый, столь же слѣпой и отчаянный, какъ и жестокой.

Баронъ Николаи доставитъ вашему сіятельству донесеніе о новыхъ побѣдахъ храбраго графа Витгенштейна. Его способъ веденія дѣлъ, его непобѣдимая отвага и разумныя распоряженія достойны признательнаго удивленія всей Россіи. Послѣднія о немъ извѣстія гласятъ, что при новомъ дѣлѣ убитъ Баварскій генераль Вреде, и непріятель прогнанъ за Двину. Отсутствіе Государя причиняетъ промедленія въ обнародованіи такихъ славныхъ для нашего оружія успѣховъ. По той же причинѣ еще не обнародовано пораженіе Тормасовымъ, въ Поддубѣ, Саксонцевъ и Австрійцевъ, подъ предводительствомъ Ренне и Шварценберга. Мѣстечко это должно быть въ Минской губ. Не поздоровится, полагаю, Бонапарту отъ такого пораженія въ тылу его арміи! Говорятъ положительно, что разгромъ былъ полный и что множество плѣнныхъ. Генераль Левизъ, изъ корпуса Эссена въ Ригѣ, тоже разбилъ одинъ Прусскій корпусъ, шедшій къ корпусу Макдональда. Подробности и объ этомъ еще неизвѣстны.

Новосильцевъ, Вильсонъ и всѣ прибывающіе изъ арміи согласны въ томъ, что Бонапартъ двигается скорѣе очертя голову, чѣмъ по зрѣло обдуманному намѣренію. Онъ шествуетъ, какъ человекъ, влекомый рокомъ, и, кажется, рассчитываетъ больше на наши промахи, чѣмъ на дѣйствительныя силы идущей за нимъ толпы. Дай Господи, чтобъ наши ошибки пошли, по крайней мѣрѣ, ему во вредъ; а ихъ такое несмѣтное число, и онѣ такого рода, что онѣ не могъ на нихъ рассчитывать, не смотря на всѣхъ лазутчиковъ, а можетъ, даже, и измѣнниковъ. Возвратившіеся изъ арміи подняли здѣсь духъ, приходившій въ уныніе отъ всего творящагося, такъ какъ никто не зналъ, чѣмъ это объяснить. Общественное мнѣніе считаетъ Новосильцева кандидатомъ на мѣсто посла въ Лондонѣ. Я уже называлъ вашему сіятельству трехъ другихъ, которыхъ прочили туда же. Я буду очень радъ, если назначать Новосильцева, какъ самаго пріятнаго человека для Англичанъ, кто бы ни управлялъ ихъ министерствомъ иностран-

ныхъ дѣлъ: Канингъ или кто другой. Здѣшніе Англичане тоже за Новосильцева. Неизвѣстно, на комъ остановятся въ выборѣ посла. Р., какъ я полагаю, не за Новосильцева; но, конечно, если Государь назначить его, то Р. тотчасъ же будетъ въ восторгѣ, на седьмомъ небѣ.

Баронъ Николай сообщаетъ мнѣ, что ему велѣно готовиться къ отъѣзду въ Лондонъ. Назначеніе это меня очень радуетъ, какъ за самаго барона, такъ и за ваше сіятельство, а равно и за Новосильцева, если онъ будетъ тамъ посломъ. Можетъ быть, настоящее письмо, отправляемое мною еще къ барону ¹⁾, найдетъ его уже въ Лондонѣ. Я посылаю его уже на имя того лица въ посольствѣ, на котораго онъ мнѣ особенно указывалъ.

*

С. Петербургъ, 28 Августа 1812.

Третьяго дня, во время моего доклада у Государыни, я не преминулъ прочесть Ея Величеству то мѣсто изъ вашего ко мнѣ письма, въ которомъ вы выражаете глубочайшую признательность за ея милостивое памятованіе о васъ. Императрица слушала меня съ большимъ вниманіемъ и прервала на слѣдующихъ словахъ: „это, дѣйствительно, чрезвычайная милость Ея Величества, что она вспоминаетъ меня“, сказавши: „такъ естественно помнить о человѣкѣ, который вселяетъ въ себѣ уваженіе съ перваго вида и котораго я очень желаю снова увидѣть“ ²⁾. Это подлинныя слова Ея Величества; смѣю увѣрить, что слова эти искренни, такъ какъ Государыня говоритъ только то, что дѣйствительно чувствуетъ ея сердце.

Лордъ Каткартъ принялъ меня чрезвычайно любезно, и я несказанно благодаренъ вашему сіятельству за столь лестное для меня знакомство. Узнавъ отъ Вильсона, что лордъ Каткартъ хочетъ передать мнѣ письма въ собственные руки, я хотѣлъ предупредить его посѣщеніе и поѣхалъ къ нему вчера; но оказалось, что онъ уже наканунѣ былъ у меня въ городѣ, но писемъ не оставилъ. Мнѣ было очень пріятно получить ихъ отъ него лично.

Онъ обѣщалъ мнѣ отправлять мои письма къ вамъ, каждый разъ, какъ будетъ на то оказія. Вчера онъ былъ у Государя во дворцѣ. Я увѣренъ, что ему здѣсь повезетъ при его чудной репутаціи и по

¹⁾ Т. е. въ Данію.

²⁾ Покойный графъ А. Ѳ. Ростопчинъ, выдавшій графа Семена Романовича въ 1819 году въ Парижъ, куда тотъ пріѣзжалъ на свадьбу сына своего, говорилъ намъ, что, когда появлялся престарѣлый графъ, всѣмъ становилось какъ-то пріятно.

знакомству его съ дѣлами и людьми. Онъ сказалъ мнѣ, что отлично справляется съ нашимъ языкомъ.

Кавалеръ Безерра получилъ приказъ изъ Бразиліи вернуться въ Рио-Жанейро. Очень жаль, что мы лишаемся въ немъ такого достойнаго и нравственнаго человѣка.

Управляющій Военнымъ Министерствомъ, тотъ самый кн. Горчаковъ, котораго вы изволили знать въ Финляндіи. Онъ далеко не гений, но извѣстенъ, какъ отличный военный еще съ Суворовскихъ походовъ, какъ человѣкъ съ правилами и патриотъ.

*

Получено въ Лондонѣ 7-го Октября н. ст. 1812 г.
С. Петербургъ, 30-го Августа 1812.

Сегодня, въ 9 ч. утра, я отправился въ Каменноостровскій дворецъ, передъ съѣздомъ придворныхъ, для принесенія поздравленія Ея Величеству, по случаю тезоименитства Государя Императора. Почти вслѣдъ за мной, прискакалъ курьеръ отъ Кутузова съ извѣстіемъ о пораженіи всей непріятельской арміи 26-го сего Августа, при ея атакѣ на нашу позицію въ *Бородинѣ*, отстоящемъ отъ *Можайска*, къ Москвѣ, въ 12-ти в. Какъ только ушелъ Государь, Императрица соизволила призвать меня къ себѣ и сообщила эту радостную вѣсть, присовокупивъ, что въ этомъ сраженіи ни единый изъ нашихъ генераловъ не былъ убитъ, но что въ числѣ раненыхъ значится графъ Михайлъ. Ея Величество поручила мнѣ успокоить васъ отъ ея имени, такъ какъ въ рапортѣ князя Кутузова точно сказано: „*легко раненъ*“ и, что онъ до конца оставался на полѣ битвы, несмотря на то, что сраженіе кончилось въ 10 ч. вечера. Въ Александровской Лаврѣ былъ отслуженъ молебенъ по этому поводу, и я думаю, никогда еще Лавра не праздновала такъ радостно своего праздника. Въ донесеніи князя Кутузова, прочитанномъ въ церкви, упомянуто о тяжкихъ ранахъ князя Багратіона, генераль-лейтенанта Тучкова и генераль-маіора Бахметева; первый изъ нихъ раненъ въ ногу. Въ числѣ легко раненыхъ названы генераль-лейтенантъ князь Горчаковъ, братъ исправляющаго должность военнаго министра, и три генераль-маіора: графъ Михайлъ, Кретовъ и другой еще Бахметевъ. Лордъ Катгартъ, котораго я видѣлъ въ церкви, сообщилъ мнѣ, что онъ сегодня вечеромъ посылаетъ курьера въ Лондонъ, чѣмъ я пользуюсь для отправленія къ вамъ настоящаго письма, чтобъ успокоить васъ.

Мои свѣдѣнія о графѣ Михаилѣ вполне достовѣрны по источнику, изъ котораго я ихъ получилъ; а до васъ могли бы дойти менѣе вѣрныя извѣстія отъ лицъ плохо освѣдомленныхъ, или не хорошо разслышавшихъ чтеніе донесенія Кутузова въ Лаврѣ, куда собиралась, со всѣхъ концовъ города, несмѣтная толпа людей.

Императрица, сообщая мнѣ о ранѣ графа Михаила, изволила прибавить: „когда графъ Воронцовъ узнаеть, что сынъ его раненъ, онъ возблагодаритъ Господа, приведшаго его сына пролить кровь за отечество, безъ особеннаго вреда для его здоровья“. Подробностей о Бородинской битвѣ еще не получено, такъ какъ князь Кутузовъ отправилъ своего курьера тотчасъ по окончаніи битвы, въ ночь съ 26 на 27-ое¹⁾.

Я справлялся у князя Горчакова, нѣтъ ли мнѣ писемъ отъ графа Михаила, но онъ увѣрилъ меня, что, кромѣ трехъ донесеній Кутузова, не было ни одного частнаго письма; но обѣщаль, если таковыя будутъ, тотчасъ доставить ихъ мнѣ; я же не замедлю переслать ихъ вашему сіятельству. Графъ Михаилъ участвовалъ въ дѣлѣ 24-го Августа, самомъ блестящемъ, но и самомъ кровопролитномъ, и вышелъ изъ него цѣль и невредимъ, покрытый славою. Непрiятель атаковалъ нашъ лѣвый флангъ, состоявшій изъ двухъ дивизій, одна изъ которыхъ была дивизія графа Михаила. Атаку отбили, и непрiятель потерялъ 16 тыс. ранеными и убитыми! 26-го онъ повелъ атаку по всей нашей линіи, но, точно также потерпѣлъ неудачу и былъ преслѣдуемъ.

P. S. Я вскрываю письмо, чтобъ добавить, что княгиня Голицына, рожденная Измайлова, особа во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшая и очень расположенная къ графу Михаилу и ко мнѣ²⁾, прислала мнѣ письмо флигель-адъютанта Орлова, отъ 25-го числа, въ которомъ я прочелъ слѣдующее: „Вчера 24-го я былъ свидѣтелемъ (скорѣе зрителемъ, какъ не состоявшій ни при чемъ) геройской битвы 15 т. нашихъ съ 40 т. Французовъ, атаковавшихъ насъ съ лѣваго фланга и совершенно разбитыхъ нами. 8 пушекъ, 4 орла, 2 знамя и 4 т. плѣнныхъ, вотъ трофеи этого сраженія, въ которомъ первыми героями выказали себя графъ Воронцовъ и графъ Сень-При. Оба здоровы и очень вамъ кланяются; я только что отъ нихъ и, зная какъ они вамъ дѣроги, тотчасъ же пишу вамъ о нихъ“.

¹⁾ Донесеніе свое князь Кутузовъ продиктовалъ Александру Ивановичу Казначееву, который сказывалъ мнѣ, что писать пришлось ему на барабанѣ, стоя на колѣняхъ.

²⁾ Княгиня Евдокія Ивановна, извѣстная позднѣе подъ прозвищемъ *Княгини Ночной*. (Princesse Nocturne).

Прилагаю при семъ послѣднія напечатанныя донесенія. Ими завершается славное поприще Барклая-де-Толли, который, какъ я узналъ, просится въ полную отставку и не состоитъ уже военнымъ министромъ. Между этими донесеніями есть Кутузовское, въ которомъ онъ говоритъ о размѣщеніи своего лѣваго фланга, на который и ожидалъ нападенія. Дѣло 24-го Августа доказываетъ, что его опасенія оправдались: 26-го числа непріятель повторилъ атаку на лѣвый флангъ и одновременно напалъ и на правый. Отражая эти фланговые атаки, Кутузовъ нападалъ и на центръ непріятеля. Бойня превосходитъ всякое описаніе; завтра получимъ подробности. Мы преслѣдовали непріятеля ночью за 4 в., послѣ чего побѣдоносная армія вернулась на свое прежнее мѣсто. Кутузовъ добавляетъ, что если Бонапартъ не атакуетъ его завтра, онъ намѣренъ самъ перейти въ наступленіе.

Сегодня Кутузовъ произведенъ въ фельдмаршалы; кромѣ того онъ получилъ 100 т. наградныхъ, а жена его портретъ. Каждый солдатъ получить по 3 р.; остальные награды не замедлятъ быть объявлены, и мнѣ будетъ очень пріятно поздравить васъ съ полученною графомъ Михайломъ. А пока я благословляю Провидѣніе, сохранившее намъ его въ ужасный день 26 Августа. Объ этомъ дѣлѣ еще нѣтъ ничего напечатаннаго.

*

С. Петербургъ, 31 Августа 1812 г.

Сегодня вечеромъ меня чрезвычайно обрадовалъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ фельдгеръ Березовскій, состоявшій при Багратионѣ и пріѣхавшій изъ арміи. Онъ передалъ мнѣ два письма отъ графа Михаила, при семъ мною прилагаемыя. Очень былъ я радъ повидать этого стараго нашего, съ графомъ Михайломъ, пріятеля, и разспросить его о вашемъ поистинѣ героѣ-сынѣ. Въ одномъ изъ его писемъ ваше сіятельство найдете его собственное подтвержденіе на счетъ писаннаго вамъ мною объ его неопасной, хотя и тяжелой, ранѣ. Березовскій клятвенно увѣрилъ меня, что онъ видѣлъ графа Михаила въ Можайскѣ, 27 числа, и что онъ провелъ ночь спокойно. Въ то время, какъ фельдгеръ откланивался Багратиону передъ своимъ отъѣздомъ сюда, графъ Михайлъ поѣхалъ въ Москву. Я очень доволенъ этимъ рѣшеніемъ: въ Москвѣ ему будетъ удобнѣе залечить свою славную рану. Скромность графа невѣроятна, даже въ описаніи этого славнаго дѣла, гдѣ его дивизія была атакована первою. Въ этотъ отнынѣ памятный бой графъ Михайлъ вошелъ первымъ, а вышелъ послѣднимъ. Сраженіе при Эйлау его слабое подобіе. Началось сраженіе 24-го, продолжалось 25-го канонадою и нѣсколькими частичными боями, а кончилось только

26-го, около 10-ти ч. вечера. Графъ Михаилъ былъ раненъ между 7—8 ч. вечера. Почти вся его доблестная дивизія уничтожена. Онъ оплакиваетъ ее, называя ее „покойница моя дивизія“. Много, много если изъ нея уцѣлѣла сотня людей; всѣ остальные перебиты. Раненыхъ въ ней было очень немного, такъ какъ она все время то отбивала, то брала непріятельскія и свои батареи. Всѣ оберъ-офицеры его дивизіи были убиты, и когда онъ самъ былъ раненъ, ему пришлось попросить въ другомъ корпусѣ о присылкѣ полковника, для командованія надъ горстью его гренадеровъ, въ случаѣ, что рана заставитъ его ихъ покинуть. Ему откомандировали полковника Ахтѣ, котораго онъ именно и желалъ (Его полкъ состоялъ въ корпусѣ Раевского и соприкасался съ гренадерами графа Михаила). Въ настоящую минуту изъ всего этого полка осталось не болѣе 200 ч. Онъ отбилъ у непріятеля два знамени. Командиръ этого полка, полковникъ Богдановскій, опасно раненъ; всѣ батальонные командиры перебиты; большая часть офицеровъ ранена, и, подъ конецъ сраженія полкомъ командовалъ штабсъ-капитанъ адъютантъ графа Михаила, Соколовскій, (онъ прозвалъ его неустрашимымъ); онъ былъ убитъ ядромъ возлѣ него, точно также, какъ и бывший деньщикъ покойнаго Бальмена, взятый графомъ въ память друга, за его честность, и который ни на шагъ не оставлялъ графа, во все время этого ужаснаго дня. Изъ всей 30 т. арміи Багратіона осталось, приблизительно, 8 т. человекъ. Вы можете судить по этому, до чего велико было ожесточеніе и какая шла рѣзня. Французы, всѣ эти три дня, были мертвецки пьяны и дрались отчаянно. На другой день они отошли на 11 верстъ, и Платовъ преслѣдовалъ ихъ съ большимъ отрядомъ конницы. Такъ обстояли дѣла при отъѣздѣ фельдгегера. На 28-ое ожидали завершенія этого страшнаго боя.

Нѣкоторая часть Московскаго ополченія участвовала въ немъ и выказала чудеса храбрости. Въ ночь подошла еще часть ополченія, для зарытія тѣлъ убитыхъ. По словамъ Французскихъ плѣнныхъ, ихъ потерю можно считать въ 60 тыс. человекъ, а наша, какъ говоритъ фельдгегеръ, тыс. въ 30. Всѣхъ подробностей еще не знаютъ; но, говорятъ, что отбито 30 пушекъ, изъ которыхъ арміей Багратіона 16. Число попавшихъ въ плѣнъ точно не установлено; одинъ бригадный генералъ Бонамай, въ числѣ ихъ. Къ числу убитыхъ, съ нашей стороны, нужно еще прибавить графа Кутайсова, одного изъ лучшихъ нашихъ артиллеристовъ. Принцъ Мекленбургскій раненъ пулей, а графъ Сенъ-При сильно контуженъ. У князя Багратіона раздроблена нога, и хотя думаютъ, что дѣло обойдется безъ отнятія ея, все же ранѣе двухъ мѣсяцевъ ему не поправится. Генералъ Тучковъ раненъ

пулею въ бокъ, на вылетъ. Кретовъ тоже раненъ незначительно, но сохранилъ свою обычную веселость. Вильсонъ сообщилъ мнѣ сегодня, что онъ вамъ писалъ о томъ, что графъ Михайлъ раненъ въ руку. Оказывается, онъ спуталъ то, что князь Горчаковъ ему говорилъ о своемъ братѣ, генераль-лейтенантѣ, которому ранило руку разорвавшейся бомбою, и поэтому очень просилъ меня извиниться за него передъ вами. Я заходилъ къ князю Горчакову, надѣясь, что онъ мнѣ сообщитъ официальное донесеніе князя Кутузова; но Государь держитъ еще его у себя. Тотчасъ по полученіи писемъ къ вамъ и подробностей о послѣднемъ дѣлѣ, я поѣхалъ къ лорду Каткарту, чтобъ узнать, отправленъ-ли уже его курьеръ. Зная, что онъ выѣдетъ только завтра утромъ, въ 9 ч., пользуюсь этого ночью, чтобъ сообщить вамъ, все что я узналъ, съ такимъ расчетомъ, что мое настоящее письмо къ вамъ застанетъ еще курьера здѣсь. Возблагодаримъ Создателя, сохранившаго намъ графа Михаила, одного изъ первыхъ и главныхъ спасителей отечества, честью и славой котораго онъ не замедлитъ сдѣлаться. Это общее о немъ мнѣніе, и онъ уже доказалъ, какъ оно справедливо.

*

С.-Петербургъ, 4 Сентября 1812 г.

Прилагаемое при семъ письмо я получилъ черезъ Москву, съ эстафетой Александра Львовича Нарышкина, старшій сынъ котораго, капитанъ въ гусарскомъ Изюмскомъ полку, также былъ легко раненъ въ голову ружейнымъ выстрѣломъ. Вы изволите увидѣть, что это именно то письмо, о которомъ упоминаетъ графъ Михайлъ въ копіи, посланной мною вашему сіятельству 31-го Августа, съ курьеромъ лорда Каткарта. Надѣюсь, вы вполне убѣдитесь, что рана графа Михаила не опасна. Ея Величество, въ самый день моего послѣдняго къ вамъ письма, изволила писать графинѣ Строгановой, чтобъ успокоить меня на его счетъ, а черезъ меня васъ. Она принимаетъ самое живое участіе въ вашемъ, графъ, сынѣ. Когда я, затѣмъ, имѣлъ счастье быть у нея, она пожелала видѣть его письма, которыя я и счелъ долгомъ показать ей. Князь Багратионъ не говоритъ иначе о немъ, какъ героѣ, и дѣйствительно, никто болѣе его не достоинъ этого. Жду теперь о немъ извѣстій уже изъ Москвы. Курьеръ сказалъ мнѣ, что графъ Михайлъ беретъ съ собой много раненыхъ офицеровъ, которымъ тамъ будетъ легче имѣть необходимый уходъ. Домъ вашего сіятельства обращенъ вѣроятно въ госпиталь, и эта черта челолюбія вашего сына дѣлаетъ ему не менѣе чести, чѣмъ его славные подвиги на полѣ брани для спасенія отечества. Подробностей о жестокой битвѣ 26-го еще нѣтъ. Прибывающіе изъ Москвы увѣряютъ, что на другой день сраженія однихъ нашихъ погребено 15,000; кромѣ того, еще могутъ найти

много убитыхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бородина, гдѣ наши отряды бились одновременно съ центромъ арміи. Изъ писемъ частныхъ лицъ явствуетъ, что двѣ трети нашихъ генераловъ ранены. Помимо поименованныхъ уже мною, называютъ ген.-лейт. графа Остермана. Толстого, князя Бориса Голицына, брата графини Строгановой, Коновницына, ген.-маіора Тучкова, младшаго изъ трехъ братьевъ, Васильчикова и еще нѣкоторыхъ, которыхъ здѣсь не знаютъ. Много извѣстныхъ молодыхъ офицеровъ убито или ранено. Боишься спрашивать о друзьяхъ и знакомыхъ, чтобъ не услышать рокового извѣстія. Въ числѣ убитыхъ Валуевъ, котораго вы знали въ Лондонѣ. Онъ былъ адъютантомъ графа Остермана. Изъ гвардіи, участвовало въ бою по батальону отъ каждаго полка, а Финляндскій полкъ и Егерскій въ полномъ составѣ, какъ равно и гвардейская кавалерія. Въ этомъ великолѣпномъ корпусѣ страшно много перебито. Увѣряютъ, что Бонапартъ, снявшись съ своей позиціи, на которую онъ 29-го числа вернулся послѣ сраженія, отошелъ на 30 в. Князь Кутузовъ, объясняя себѣ это отступленіе выжиданіемъ Бонапарта подкрѣпленій, рѣшилъ сдѣлать тоже и отошелъ, въ тотъ же день, на 19 верстъ, какъ для соединенія съ шедшими корпусами изъ Москвы, Костромы, Владимира и т. д., подъ начальствомъ князя Лобанова, такъ и для того, чтобъ занять позицію менѣе извѣстную непріятелю, чѣмъ только что оставленная. Вильсонъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ проведетъ одинъ день у графа Михаила. Онъ просилъ меня повторить вамъ его просьбу, лично переданную имъ вамъ, о содѣйствіи къ скорѣйшей доставкѣ сюда возможно большаго числа оружія. Оно намъ необходимо, но въ людяхъ мы не терпимъ недостатка. Вильсонъ былъ здѣсь принятъ съ полнымъ почетомъ: ему дали гвардейскаго офицера, говорящаго по англійски, и фельдшера для сопровожденія его въ пути, чего еще никогда не дѣлали для иностранца.

*

С.-Петербургъ, 7 Сентября 1812 г.

Спѣшу отправить вашему сіятельству письмо отъ графа Михаила, полученное мною изъ Москвы. Въ немъ вы найдете утѣшительныя вѣсти на счетъ его раны и успокоитесь, узнавши, что при немъ чудный хирургъ Ивановъ. Графъ Михайлъ отлично сдѣлалъ, что перенесся въ Андреевское изъ Москвы, которая теперь въ ужасномъ смятеніи, гдѣ все и вся готовится къ отчаянной защитѣ на случай несчастія съ нашей арміей, чтò, конечно, скорѣе мѣра предупредительная, по невозможности допустить, чтобъ нашъ смертельный врагъ смогъ когда либо проникнуть въ Москву. Древнюю столицу нашу защищаютъ не Вѣнцы, а народъ, духъ котораго не дастъ себя покорить. Трогательное зрѣлище всѣ эти крестьяне, изъ подъ Смоленска и Москвы, рас-

положившіеся бивуакомъ подъ стѣнами Кремля, вооруженные топорами, косами, лопатами, кольями, ружьями и кричащіе: „мы побросали наши деревни и избы, чтобъ спасти Матушку-Москву; дайте намъ оружіе, ведите насъ на супостата; только черезъ наши трупы ему проникнуть въ нее“. И возможно-ли, спрашиваю я, завладѣть Москвой? Императрица, передавая мнѣ объ этой изумительной преданности народа, плакала отъ радости и волненія и находила, что, кромѣ Русскихъ никто, даже Испанцы, не подаютъ такого дружнаго примѣра любви къ отечеству, порядку и повиновенію. Московское и Смоленское ополченія отличались въ битвѣ 26-го. Когда у нихъ не было ружей, они шли на врага съ кулаками и валили его руками. Бонапартъ такъ же отчаивается, вѣрно, какъ и бѣсится, что такъ ошибся въ своихъ расчетахъ, и что пропасть, въ коей ему суждено погибнуть, уже разверзлась передъ его ногами. Но возвратиться ему нельзя: слишкомъ уже далеко онъ зашелъ и, какъ видно, онъ рѣшилъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ, оставаясь у насъ. Говорятъ, что въ своемъ приказѣ онъ объявилъ: „Французы! Вы сразились и покрыли себя позоромъ и безчестіемъ, которые должны смыть кровью Русскою“. Послѣдній курьеръ отъ князя Кутузова былъ 1-го Сентября; по этому молчанію заключаютъ, что въ арміи творится что-то ужасное. Въ настоящую минуту, можетъ быть, рѣшена судьба этой борьбы! Пошли Господи Европѣ и всему міру возвратиться къ покою и безмятежному житію, коихъ мы лишены ужъ четверть вѣка. Говорятъ и вѣрятъ, не знаю на какихъ основаніяхъ, что Кутузовъ отошелъ къ Воскресенску, чтобъ занять болѣе выгодное мѣсто и присоединиться къ князю Лобанову, вѣроятно уже подошедшему туда съ большимъ ополченіемъ. Если даже непріятель и войдетъ въ Москву, то она будетъ ему могилой. Графъ Растопчинъ отлично исполняетъ свой долгъ и поднимаетъ духъ населенія съ большимъ успѣхомъ. Онъ началъ съ того, что арестовалъ главныхъ Мартинистовъ, замѣшанныхъ въ распространеніи гнусной прокламаціи о свободѣ, составленной однимъ Мартинистомъ и гражданскимъ чиновникомъ, но не произведшей никакого впечатлѣнія. Я увѣренъ, что никогда Русскій народъ не приметъ свободы изъ рукъ этого чудовища, опустошающаго вселенную.

Посломъ въ Лондонъ назначенъ графъ Ливень; онъ тотчасъ же и отправится туда.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо графа М. С. Воронцова къ его родителю.

Андреевское, 11-ое Сентября 1812 г.

Третьяго дня я посылаю въ Покровъ, и мой посланный только на полчаса не засталъ тамъ Вильсона, проѣзжавшаго изъ Петербурга въ армію. Я увѣренъ, что еслибъ онъ его увидѣлъ, то Вильсонъ заѣхалъ бы ко мнѣ, а я такъ былъ бы радъ его повидать и узнать отъ него, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, такъ какъ здѣсь всѣ наши знакомства не идутъ дальше ста или полутора ста верстъ. Къ великому нашему сожалѣнію, вчера получена плохія вѣсти о князѣ Багратионѣ. Онъ въ 70-ти верстахъ отъ насъ, въ Симѣ, имѣніи князя Голицына, по дорогѣ между Владимиромъ и Ярославлемъ. Раненъ князь въ ногу, съ раздробленіемъ кости, и жестоко страдаетъ. Чтò до моей раны, дорогой батюшка, она пустячная; я хожу на костыляхъ и могу уже немного опираться на раненое лѣвое бедро. Ночь съ 25-го на 26-ое Августа, проведенная нами на бивуакахъ, была очень холодная, и я былъ тепло одѣтъ; по счастью, шинель моя сбилась именно на томъ мѣстѣ, въ которое попала пуля, чтò и смягчило ударъ.

Я посылаю это письмо въ Владимиръ на почту; кажется, она теперь ходитъ на Ярославль. Прощайте, дорогой батюшка, поцѣлуйте, пожалуйста за меня Катеньку*) и кланяйтесь всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Всѣ эти дни я до вечера работалъ, отбирая изъ множества находящихся здѣсь бумагъ тѣ, которыхъ, по ихъ значенію, жалко было бы лишиться, въ случаѣ какой опасности здѣсь. Я ихъ возьму тогда съ собою.

*

С.-Петербургъ, 13 Сентября 1812 г.

Татищевъ только что получилъ назначеніе посломъ при Испанской юнтѣ и собирается скоро выѣхать. Онъ радуется при одной мысли повидать ваше сіятельство въ Лондонѣ. Указа еще нѣтъ; но это все равно, какъ бы онъ уже былъ, такъ какъ Государь третьяго дня повелѣлъ объявить ему объ его назначеніи. Онъ намѣренъ взять Полетику секретаремъ, на чтò, конечно, послѣдній охотно согласится, такъ

*) Т. е. леди Пемброкъ.

какъ служить съ такимъ человѣкомъ очень лестно. Баронъ Строгановъ ¹⁾ назначенъ въ Швецію, а въ Сицилію прочать графа Мусина-Пушкина-Брюса. Графъ Михайлъ и я въ большой дружбѣ съ этимъ достойнѣйшимъ человѣкомъ.

Въ Лондонъ можно было бы безъ сомнѣнія назначить когонибудь лучше Ливена; но все же это назначеніе не такъ ужъ плохо. Вашему сіятельству будетъ легче узнать его; я же знаю его только по отзывамъ, которые слышу о немъ. При немъ будетъ маркизь Мезонфоръ, извѣстный вашему сіятельству. Мы съ графомъ Михайломъ были съ нимъ здѣсь очень хорошо знакомы. Онъ изъ давнихъ эмигрантовъ и назначенъ самимъ Государемъ сопровождать Ливена, вѣроятно, въ предвидѣніи употребить его со временемъ во Франціи, если дѣло дойдетъ до того, какъ нужно надѣяться.

Полетика передалъ письмо госпожи В. Бутль графинѣ Строгановой, такъ какъ меня тогда не было дома. Письмо это дошло до своего высокаго назначенія, какъ мнѣ это соизволила сообщить Императрица. Ея Величество постоянно спрашиваетъ у меня про рану графа Михаила и интересуется всѣмъ до него касающимся. Она соизволила поручить мнѣ сказать графу, что если ему, или его раненымъ товарищамъ чтонибудь нужно, чтобъ онъ написалъ объ этомъ мнѣ, и что она будетъ очень рада быть ему полезною.

*

С.-Петербургъ, 21 Сентября 1812 г.

Пріѣхавшій сюда пять дней тому назадъ курьеръ отъ князя Багратіона сообщилъ слѣдующія вѣсти. По его устройствѣ въ Симѣ, имѣніи кн. Бориса Андреевича²⁾ Голицына, въ 50-ти в. приблизительно, отъ Андреевскаго, его навѣстилъ тамъ гр. Сень-При, сопровождавшій графа Михаила въ Андреевское. Онъ сообщилъ кн. Б., что графу значительно лучше, и что черезъ недѣлю онъ рассчитываетъ совсѣмъ уже поправиться отъ своей раны. Самъ графъ Сень-При, получившій контузію въ грудь, чувствуетъ себя почти совсѣмъ хорошо. Объ отправкѣ отъ князя Багратіона курьера гр. Михайлъ ничего не зналъ, а графъ Сень-При пріѣхалъ въ Симу въ самый день этой отправки. Я счелъ долгомъ сообщить вашему сіятельству все что слышалъ отъ этого курьера и что считаю вполне достовѣрнымъ, и надѣюсь, что, въ настоящее время,

¹⁾ Григорій Александровичъ, получившій графство лишь въ коронацію Николая Павловича.

²⁾ Перепутано. Надо: Андрея Борисовича.

вашъ драгоцѣнный сынъ вполнѣ здоровъ. Такъ досадно, что наши почты такъ разстроились, что мы не получаемъ писемъ изъ Москвы и изъ мѣстностей за нею. Только сегодня объявленъ указъ объ проложеніи новыхъ трактовъ для почтовыхъ сообщеній Москвы съ Югомъ; но пока еще все это наладится, съ трудомъ можно будетъ знать что происходитъ подъ Москвой. Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ племянницы вашей, бѣдной графини Бальмэнъ, находящейся въ Вологдѣ съ теткой своей гр. Евдокіей Воронцовой. Въ письмѣ своемъ она говоритъ, что графъ Михаилъ писалъ ей 31-го Августа изъ Москвы, за нѣсколько часовъ до своего отъѣзда въ Андреевское, и давалъ ей самыя успокоительныя извѣстія о своей ранѣ. Молодой Нарышкинъ, братъ графини Бальмэнъ, состоявшій при немъ адъютантомъ, подтвердилъ ей эти добрыя вѣсти. Надѣюсь, что, послѣ всего сообщаемого мною, ваше сіятельство успокоится вполнѣ на счетъ графа Михаила. Надѣюсь на скорую возможность успокоить васъ собственноручными его увѣреніями о томъ же.

Извѣстія изъ арміи идутъ такими дальними, обходными путями, что курьеры прибываютъ сюда только на десятый день. Дороги ужасны, и повсюду недостатокъ въ лошадяхъ: такъ мало были подготовлены къ необыкновеннымъ событіямъ, переживаемымъ нами въ настоящее время. Сегодня утромъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, о которомъ, впрочемъ здѣсь знали уже три дня тому назадъ, о нашей побѣдѣ надъ непріятельскимъ авангардомъ, подъ начальствомъ Мюрата, по дорогѣ въ Коломну или Бронницы 7 или 8 сего мѣсяца, корпусомъ Баговута и кавалерійской дивизіей Уварова. Потерю непріятели считаютъ въ 4000 убитыхъ и раненыхъ, 2000 плѣнныхъ и 5 пушекъ, доставшихся намъ. Донесеніе князя Кутузова помѣчено Красной Пахрой, недалеко отъ г. Подольска. Лѣвое крыло нашей арміи прикрывало дорогу на Калугу, правое—на Рязань, а центръ на Тулу, съ отрядами, кромѣ того, въ разныя стороны. Командиръ Изюмскихъ гусаръ, генералъ-майоръ Дороховъ, былъ на Смоленской дорогѣ съ большимъ отрядомъ кавалеріи и доходилъ съ своими аванпостами до барона Винценгероде, прикрывающаго дороги на Тверь, Волоколамскъ и Дмитровъ.

Самое трудное проникнуть въ намѣренія непріятели, у котораго такъ много различныхъ дорогъ для движенія изъ Москвы вглубь государства; но главное и наиболѣе чувствительное зло для него начинается выражаться въ препятствіяхъ, устроенныхъ ему по Смоленской дорогѣ, гдѣ онъ легко можетъ утратить сообщеніе съ своими силами по ту сторону Двины. Кажется, удастся совершенно закрыть для него эту дорогу.

Посылаю вашему сіятельству появившіеся печатные листки о нашихъ дѣйствіяхъ. Если успѣютъ напечатать подробности дѣла съ Мюратомъ до отъѣзда курьера, я вамъ ихъ тоже отошлю. Ваше сіятельство увидите, что мы заняли Митаву. Не сомнѣваются, что черезъ нѣсколько дней вся Курляндія будетъ очищена. Говорятъ, будто получено извѣстіе о встрѣчѣ Чичагова съ Тормасовымъ. Корпусъ въ 26.000 людей, бывшихъ въ Мозырѣ, теперь въ Пинскѣ и вскорѣ долженъ составить правое крыло этой соединенной арміи. Но смертельный ударъ нанесется графомъ Витгенштейномъ, который въ данное время долженъ находиться на пути въ Смоленскъ, подкрѣпленный всѣмъ гарнизономъ изъ Риги; этотъ же послѣдній замѣщенъ войсками, прибывшими изъ Финляндіи. Талантъ графа Витгенштейна и неоднократные успѣхи корпуса, которымъ онъ командуетъ, заставляютъ дрожать Бонапарта въ Москвѣ, которую онъ въ своей жестокой и отвратительной ярости превратилъ въ пепель. Все было сожжено, исключая нѣсколькихъ зданій, занятыхъ войсками. Когда я говорю „все“, это не есть преувеличеніе, потому что даже Воспитательный домъ подвергся той же участи. Завѣдующій имъ, Тутолминъ, просилъ Бонапарта взять это учрежденіе подъ свое покровительство; онъ обѣщалъ, а черезъ три дня превратилъ его въ пепель, оставя только одинъ флигель, куда велѣлъ перевести грудныхъ дѣтей. Швейцаръ этого учрежденія, ставшій однимъ изъ видныхъ лицъ въ Москвѣ послѣ того, какъ всѣ изъ нея бѣжали, былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ. Онъ надѣялся вселить въ насъ ужасъ и побудить къ миру, но ошибся, потому что возбудилъ ненависть и возмущеніе сильнѣе прежняго и укрѣпилъ рѣшеніе не помышлять о мирѣ, отъ котораго онъ, сидя въ Москвѣ, болѣе далеку, чѣмъ при переходѣ черезъ Нѣманъ. Немногія церкви, уцѣлѣвшія отъ этого ужаснаго пожара, стали конюшнями, потому что онъ всюду, гдѣ проходитъ, ставитъ лошадей именно въ церквахъ. Даже Татары никогда не совершали столько и подобныхъ гнусностей. Судьба этой прекрасной и славной столицы надрываетъ сердце; но съ другой стороны онъ этимъ самъ себѣ создаетъ зло, которое скоро почувствуетъ и подготавливаетъ освобожденіе Россіи и всего міра, потому что онъ зажегъ народную войну и увидитъ что пребываніе въ Москвѣ не тоже самое, что пребываніе въ Вѣнѣ или Берлинѣ. Частныя письма изъ арміи наполнены надеждами и даже убѣжденіемъ, что его могущество исчезнетъ при первомъ ружейномъ выстрѣлѣ. Я видѣлъ нѣсколько подобныхъ писемъ и между прочими одно отъ Бенигсена, котораго можно считать авторитетомъ; онъ говоритъ, оплакивая разрушеніе Москвы, объ его уничтоженіи, какъ о событіи вѣрномъ и непремѣнномъ.

Третьяго дня были огорчены извѣстіемъ о смерти графа Багратіона, происшедшей отъ раны. Это извѣстіе, полученное косвеннымъ путемъ, кажется вѣроятнымъ. Вѣроятно, что онъ откладывалъ операцію; пуля проникла въ кость правой ноги; ее не могли извлечь изъ за сильнаго воспаленія, а на ампутацію онъ ни за что не соглашался. Переносимый съ мѣста на мѣсто, при дурной погодѣ и отсутствіи покоя, онъ схватилъ лихорадку, которой не выдержалъ. Это чувствительная потеря для Россіи въ минуту, когда трудно найти людей подобныхъ Багратіону. Пока еще не публикуютъ объ этой утратѣ, дожидаясь официальнаго подтвержденія; но къ сожалѣнію сомнѣваться нельзя. Всѣ искренно жалѣютъ о немъ; и дѣйствительно, не говоря о его заслугахъ, извѣстныхъ всей Европѣ, это былъ человѣкъ достойный и уважаемый.

Ваше сіятельство спрашивали, оставилъ ли графъ Бальмэнъ ребенка. Въ прошломъ году, въ Сентябрѣ, вслѣдствіе несчастнаго случая въ дорогѣ, стоявшаго жизни одному изъ прислуги (упавшему съ козелъ) жена графа выкинула и долго была больна. Она нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ лѣчилась въ Москвѣ и вернулась къ мужу передъ самымъ его отъѣздомъ отсюда въ Мартъ мѣсяцѣ. Не знаю, не беременна ли она въ данное время, но она очень несчастна. Она потеряла старшую сестру Пашетту, скончавшуюся мѣсяцъ или шесть недѣль тому назадъ въ имѣніи графа Бутурлина. Она любила ее, какъ мать, и въ ней имѣла все утѣшеніе, такъ какъ старшій братъ имѣетъ жену и дѣтей и не очень счастливъ въ семейной жизни, а младшій, прекрасный юноша, находится въ арміи. Теперь ея добрая тетка Евдокія взяла ее къ себѣ и замѣняетъ ей мать, сестру и подругу. Онѣ въ данное время въ Вологдѣ, гдѣ у графини Евдокіи помѣстье близъ города.

Вчера на таможенѣ я получилъ колесо для измѣренія дорогъ, ящикъ хины и ящикъ съ Испанскимъ табакомъ: присылка г-на Тоокера изъ Кронштадта. Я отдалъ осмотрѣть этотъ инструментъ одному изъ нашихъ лучшихъ мастеровъ, Мильсу, чтобы узнать, не испортилось ли чтонибудь и не надо ли чего починить. Но я не знаю, какъ переправить его до зимы графу Михаилу, потому что отправить его съ курьеромъ въ телѣгѣ значило бы совершенно испортить инструментъ, везти же въ каретѣ или коляскѣ такую громоздкую машину никто не возмется. Я думаю, лучше оставить его здѣсь до зимы и отправить по первому санному пути. Впрочемъ я увижу, какъ лучше поступить.

Я не могу понять, какъ мы будемъ продолжать ужаснѣйшую войну, если Англія не дастъ намъ субсидій. Мы часто о семъ раз-

суждали съ Вильсономъ, который, согласившись съ моимъ мнѣніемъ, что способовъ у насъ не достанетъ, хотѣлъ отъ себя приватно писать къ своему двору о предложеніи намъ, отъ доброй воли и даже безъ нашей просьбы, денегъ въ видѣ займа, субсидій или какъ мы захотимъ. Не знаю, исполнилъ ли онъ свое намѣреніе. Дѣло столь важно, что времени терять ни минуты не должно, тогда какъ половина Имперіи въ разстройствѣ и столько же доходовъ у насъ меньше. Каковы будутъ инструкціи новому послу Ливену, Богъ вѣсть, а не Румянцеву, вѣрно; но если ваше сіятельство разсудите, то частнымъ образомъ это дѣло, можетъ быть, лучше вами обрабатается, чѣмъ посредствомъ бѣдной и несчастной нашей дипломатіи. Вильсонъ также писалъ, что оружіе намъ отмѣнно нужно, и просилъ меня о томъ же написать вашему сіятельству. Я то исполнилъ прежде, а теперь снова поставляю долгомъ повторить. По газетамъ видно, что намъ даютъ 50,000 ружей. Правда ли то или нѣтъ, не знаю; но, кажется, не худо бы еще столько же выпросить.

Вильсонъ предлагалъ, чтобы Туркамъ отдать то, что по трактату мы у нихъ взяли съ тѣмъ, чтобы они за насъ себя объявили. Онъ мнѣ показывалъ о томъ бумагу, которой я не одобрилъ. Кажется однакоже, что она никакого дѣйствія не произвела. Но слухи носятся, что Турки даютъ 100,000 противу Австрійцевъ, что крайне желательно, хотя я этимъ слухамъ никакъ не вѣрю.

Вильсонъ былъ здѣсь обласканъ всѣмъ дворомъ, какъ нельзя больше, часто обѣдывалъ у Государя и былъ у обѣихъ императрицъ, особливо у Елисаветы А. Государь часто имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры. Это нужно довести до свѣдѣнія его правительства, потому что человекъ намъ душевно преданъ и можетъ оказать величайшую услугу дѣламъ, до пользы общей относящимся, такъ какъ и правила и чувства его извѣстны вашему сіятельству. Я знаю, что онъ часто въ Лондонъ пишетъ, и нужно, чтобы представленія его были уважаемы. Я не могу довольно нахвалиться лордомъ Каткартомъ: онъ столько васъ любитъ и почитаетъ, что меня не забываетъ извѣщать, при отправленіи курьеровъ. Вниманіе его имѣетъ право на всю мою благодарность.

За тайну здѣсь говорятъ, что Императрица беременна. Я ничего еще не могъ примѣтить, но желаю того отъ всего сердца и души.

*

Петербургъ, 5 Октября 1812.

Почта третьяго дня привезла мнѣ два письма графа Михаила,

помѣченныя Андреевскимъ 5—8 и 12 числами прошлаго мѣсяца. Имѣю честь отослать съ сегодняшней почтой послѣднее письмо; что касается перваго, то я отошлю его завтра съ графомъ Бальмѣномъ или послѣ завтра съ графомъ Воронцовымъ (оба причислены къ новой миссіи въ Лондонѣ), вмѣстѣ съ письмомъ къ Пемброку, которое я получилъ одновременно. Я воспользуюсь также одною изъ этихъ оказій, чтобы сообщить вамъ, графъ, много подробностей слышанныхъ съ разныхъ сторонъ о вашемъ любезномъ сынѣ. Радуюсь, что пока могу дать вамъ хорошія вѣсти о его ранѣ и, не дожидаясь отъѣзда вышеупомянутыхъ господъ, отсылаю безъ задержки послѣднее письмо, дабы окончательно успокоить васъ относительно его здоровья. Надѣюсь, что ваше сіятельство останетесь вполне довольны.

Послѣднія извѣстія объ арміи князя Кутузова имѣемъ отъ 23-го. Ихъ привезъ адъютантъ князь Волконскій. Говорятъ, будто было значительное дѣло съ авангардомъ, состоявшимъ изъ 40.000 людей подъ личнымъ командованіемъ Мюрата. Съ нашей стороны командовалъ Милорадовичъ, поддержанный графомъ Остерманомъ-Толстымъ, а генераль-лейтенантъ Коновницынъ, вступившій теперь въ дѣйствующую армію, прибылъ съ подкрѣпленіями, когда побѣда уже оказалась въ нашихъ рукахъ. Потери непріятели простираются до 2000 убитыхъ и раненыхъ и 300 плѣнныхъ; наши—никогда не были такъ незначительны, какъ въ этотъ разъ. Непріятели преслѣдовали 12 верстъ. Дѣло происходило на рѣкѣ Пахрѣ, гдѣ, кажется, расположенъ нашъ авангардъ. Главная армія отодвинута нѣсколько назадъ, но я не знаю точно названія мѣста. Мнѣ кажется, что главная квартира находится на рѣкѣ Нарѣ, въ деревнѣ Тарутино. Донесеніе долженъ появиться сегодня, и мнѣ досадно, что я не могу отослать его съ сегодняшней почтою, которая отправляется сейчасъ. Графъ Бальмѣнъ, ѣдущій въ Лондонъ, братъ генерала, умершаго на дняхъ, о которомъ мы очень сожалѣемъ; онъ былъ когда-то капитаномъ конной гвардіи и уже 12 лѣтъ служить въ КоллегиИ Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ не стѣбитъ брата, но самъ по себѣ прекрасный человекъ, и я смѣло могу его рекомендовать вашему сіятельству, зная его издавна и коротко. Въ Неаполѣ несчастная страсть почти свела его съ ума; онъ вернулся. Мы нашли полную перемѣну во всемъ его существѣ. Баронъ Николаи знаетъ его исторію. Онъ уменъ и образованъ, но все же вашъ племянникъ Иванъ будетъ жемчужиною въ новой миссіи. Дѣйствительно, я не знаю молодого человека его лѣтъ, котораго можно было бы приравнять къ нему въ поведеніи и по уму, воспитанному и укрѣпленному въ высшихъ началахъ.

*

Петербургъ, 12 Октября 1812.

Неисправность почты—причина, что я не получаю правильныхъ извѣстій отъ графа Михаила съ тѣхъ поръ какъ онъ въ Андреевскомъ. Его послѣднія письма ко мнѣ отъ 12-го прошлаго мѣсяца. Кавалеръ Вильсонъ переслалъ мнѣ, четыре дня тому назадъ, записку, полученную имъ 20 Сентября. Имѣю честь переслать ее вашему сіятельству; надѣюсь, что вы вполне успокоитесь насчетъ его раны, которая хорошо заживала, и думаю, что онъ уже въ арміи, куда вчера я адресовалъ ему свои письма.

Кажется, графъ, мы больше не услышимъ о большихъ битвахъ. Все, что доходитъ до насъ о положеніи Бонапарта въ Москвѣ, свидѣтельствуется, что онъ не въ состояніи дать сраженіе. Занятіе Москвы безъ боя стоило ему, по меньшей мѣрѣ, 30.000 людей; потери его людьми должны быть по 1000 человекъ въ день, если считать тѣхъ, что забираютъ своими летучими отрядами Винценгероде по дорогамъ въ Тверь, Ярославль, Владимиръ, Волоколамскъ, Воскресенскъ и т. д. и генералъ Дороховъ по Смоленской дорогѣ на Можайскъ, Звенигородъ, Вязму и Верею, не считая того, что захватываетъ ежедневно главная армія и что уничтожается болѣзнями, пьянствомъ и т. д. На Московскихъ улицахъ безпрестанно попадаютъ мертвые или умирающіе. Отчаяніе Французскаго солдата дошло до высшей точки, и неповиновеніе не могутъ уже прекратить частые разстрѣлы. Такъ какъ нашлись погреба, и въ нихъ множество винъ, то каждое послѣ обѣда Французы мертвецки пьяны, а для этого нужно немного, въ виду недостатка въ пищѣ и необходимости питаться кониною безъ хлѣба. Если бы у Винценгерода было 15.000 собранныхъ вмѣстѣ, онъ могъ бы напасть на Москву и уничтожить во время подобныхъ сатурналій всѣ ихъ силы. Лористонъ посланъ къ Кутузову предложить перемиріе, чтобы затѣмъ трактовать о мирѣ. Ему отвѣчали, что это будетъ только когда Французы перейдутъ обратно Вислу. „Придется, слѣдовательно, выходить отсюда съ боемъ, сказалъ тотъ, такъ какъ ваши отряды идутъ со всѣхъ сторонъ“. Князь Кутузовъ отвѣчалъ, что мы ихъ не приглашали въ Москву; пусть выходятъ, какъ смогутъ, а то можно и сговориться, подразумеваемая капитуляцію, и что наша кампанія только еще начинается съ Москвы. Признанія Лористона выясняютъ, въ какомъ положеніи находится пресловутый герой. Мюратъ тоже явился на аванпосты и видѣлся съ Бенигсеномъ. Онъ предлагалъ перемиріе и миръ для себя, какъ Неаполитанскій король. Бенигсенъ только разсмѣялся на такую глупую претензію, говоря, что даже не беретъ на себя доводить о томъ до свѣдѣнія

князя. Я пришлю вашему сіятельству много другихъ подробностей съ графомъ Ливеномъ и его чиновниками, которые отбудутъ навѣрное черезъ четыре дня. (Отъѣздъ былъ отложенъ изъ за болѣзни графа Ливена).

*

Петербургъ, 16 Октября 1812.

Графъ Ливенъ прибудеть въ Лондонъ въ счастливый часъ, вѣстникомъ побѣды, настолько же блестящей и почетной для нашей арміи, насколько ужасной для непріятели. Никогда не бѣжали они съ такой стремительностью и не теряли столько артиллеріи. Ваше сіятельство ознакомитесь съ подробностями этого сраженія въ объявленіи, которое при семъ приложено и которое читали въ Казанскомъ соборѣ на благодарственномъ молебнѣ; я на немъ присутствовалъ и только что вернулся. Прибавлю лишь нѣсколько подробностей, которыхъ не находится въ немъ и о которыхъ я знаю, какъ изъ частныхъ писемъ Кутузова и Бенигсена, такъ и изъ писемъ ихъ офицеровъ и адъютантовъ. Кажется, что, кромѣ генерала Дери, командира Неаполитанской гвардіи, Французы потеряли убитыми трехъ генераловъ, именно: князя Понятовскаго, Мерсье и Жювеля или Жувеля и всю военную казну, доходившую до 4 милліоновъ франковъ въ золотыхъ, которую Императоръ приказалъ раздать своимъ побѣднымъ войскамъ. Знамя, взятое у кирасиръ, покрыто именами: Іена, Ейлау, Аспернъ, Ваграмъ, Аустерлицъ и т. д. Въ лицѣ генерала Баговута мы лишились прекраснаго офицера; онъ былъ командиромъ 2-го корпуса. 3-мъ корпусомъ, о которомъ упоминается въ объявленіи, командовалъ, вѣроятно, графъ Строгановъ, старѣйшій генералъ-маіоръ послѣ генералъ-лейтенанта Коновницына, бывшаго его командиромъ, но причисленнаго незадолго передъ тѣмъ къ свѣтскимъ генераламъ; 4-й корпусъ—корпусъ графа Остермана-Толстаго. За исключеніемъ Баговута, ни одинъ изъ нашихъ генераловъ ни убитъ, ни раненъ. Князю Кутузову будетъ пожалована шпага, роскошно украшенная брилліантами и лаврами, а генералу Бенигсену—орденъ св. Андрея съ брилліантами и 100.000 рублей. Князь Кутузовъ самъ пишетъ женѣ, что Французы бѣгутъ какъ зайцы: такъ поражены были они паническимъ страхомъ при неожиданномъ нападеніи и видя, что Русскіе идутъ на нихъ, тогда какъ до сего времени они привыкли видѣть, что Русскіе уступаютъ и отступаютъ, вѣрные Нѣмецкой системѣ сильныхъ позицій. Донскіе казаки, недавно прибывшіе въ армію, для нихъ ужасны; это казачій резервъ, состояцій изъ отслужившихъ свой срокъ и жившихъ въ покоѣ на родинѣ. Они поклялись не давать пощады злодѣямъ, потревожившимъ ихъ старость*).

*) Въ подлинникѣ: Aux scélérats qui ont troublé leur vieillesse. Эта строка написана рукою графа Семена Романовича, очевидно, для Англійскихъ друзей его. П. Б.

Кажется, князь Кутузовъ проникъ въ намѣренія Бонапарта, отдавашаго приказъ собраться всей арміи 8-го для общаго смотра. Онъ предвидѣлъ, что его могутъ атаковать 7-го, предупредилъ ударъ, нанеся его самъ, а можно надѣяться, что за нимъ послѣдуетъ и второй, еще болѣе ужасный. Расположеніе непріятельской арміи, судя по частнымъ письмамъ, было, какъ кажется, таково, что половина силъ подъ начальствомъ Мюрата должна была отвлечь наше вниманіе на фронтъ; другая же половина должна была въ это время продвинуться впередъ, чтобы выйти изнутри имперіи, или чтобы соединиться съ маршаломъ Викторомъ, ведущимъ подкрѣпленія и боевые припасы и находившимся уже близъ Смоленска, по словамъ однихъ съ 30.000, по словамъ другихъ только съ 18.000 людей. Если бы это намѣреніе удалось, то наша армія была бы захвачена сзади; но, какъ кажется, Кутузовъ, не обладая талантомъ Бонапарта, оказался умнѣе его, и теперь каждый день и часъ могутъ принести намъ извѣстія о послѣдствіяхъ побѣды великой важности. Помимо многочисленныхъ отрядовъ въ окрестностяхъ Вязмы и Можайска, причинившихъ столько бѣдъ Бонапарту, князь Кутузовъ послалъ туда же, нѣсколько дней тому назадъ, Платова съ 15.000 казаковъ и регулярнаго войска, что составитъ внушительный корпусъ, способный противостоятъ Виктору, если онъ приблизится и даже затруднить возвращеніе разбойника, ибо ему не останется другого выбора, какъ со стыдомъ уходить. Французы, разбитые еще разъ какъ 6-го Октября, привыкнувъ къ бѣгству, и я увѣренъ, что они дадутъ тягу, особенно если ихъ еще разъ побьютъ или уже побили въ данное время.

Можетъ статься, что въ своей ярости Бонапартъ захочетъ, для своего собственнаго спасенія, наказать или разжаловать Мюрата; но сей послѣдній можетъ натворить ему много зла, потому что онъ, какъ извѣстно всѣмъ, смѣется надъ своимъ королевствомъ и пользуется имъ только, чтобы набрать на будущее время денегъ, не вѣря, что навсегда останется королемъ. Если Бонапартъ не погибнетъ въ какомъ нибудь сраженіи, конецъ его будетъ позоренъ, подобно всѣмъ захватчикамъ, коихъ покинули слава и военная удача, и мнѣ кажется, мы скоро увидимъ гибель его въ Россіи, куда завело его Провидѣніе, дабы онъ окончилъ здѣсь свое поприще, утомившее весь міръ, а мы бы стали умнѣе и получили урокъ для себя и для нашего потомства, какъ поступать въ будущемъ.

Ваше сіятельство за рапортомъ о побѣдѣ получите еще рапортъ генералъ-маіора Иловайскаго касательно занятія Москвы отрядомъ

генерала Винценгероде 10-го сего мѣсяца. Храбрость, можно сказать, дерзость этого генерала была причиною его плѣна, тогда какъ его отряды занимали Москву. Левъ Нарышкинъ¹⁾, старшій сынъ Маріи Алексѣевны, принимавшій участіе въ этомъ дѣлѣ, подвергся той же участи. Незвѣстность о томъ что съ нимъ случилось, повергла всю семью въ глубокую печаль. Онъ прекрасный малый, совсѣмъ не похожій на младшаго, въ которомъ врядъ ли найдется хотя одно хорошее свойство.

Я очень боюсь за Винценгерода, который къ несчастью Вестфалець и заклятый врагъ всѣхъ Бонапартовъ; онъ вѣчно искалъ службы тамъ, гдѣ дрались съ Французами, и его голова была даже оцѣнена 3 или 4 года тому назадъ. Несмотря на то, что у насъ нѣсколько плѣнныхъ Французскихъ генераловъ, отвѣчающихъ за жизнь Винценгероде, ярость Бонапарта не остановится передъ такими пустяками, и у него всегда будетъ тотъ предлогъ, что Винценгероде подданный его брата²⁾, этого образца подлости и всякой низости.

Объ эти вѣсти пришли вчера одновременно, одна кружнымъ путемъ, другая прямо изъ Москвы. Ея Величество Императрица была такъ добра, что сообщила мнѣ лично первыя подробности, прибавивъ, что она очень рада, что въ дѣлѣ не было графа Михаила. Я отвѣчалъ, что сей послѣдній будетъ считать для себя это обстоятельство великимъ несчастіемъ. „Я знаю“, отвѣчала она, „но все же однимъ безпокойствомъ меньше. Первый вопросъ, что я сдѣлала полковнику Мишю (привезшему извѣстіе), былъ о немъ и о графахъ Строгановѣ и Остерманѣ“. Я не преминулъ поблагодарить Ея Величество за доброту и вниманіе, какъ отъ имени вашего сіятельства, такъ и отъ себя лично, и въ тоже время сообщилъ ей то, что ваше сіятельство поручили мнѣ въ своихъ послѣднихъ письмахъ за №№ 48 и 49, кои я получилъ третьяго дня вечеромъ съ письмомъ барона Николаи, которое помѣчено Готтенбургомъ. Ея Величество приказала вамъ отвѣчать, графъ, что она всегда чувствительна къ вашей памяти о ней, о чемъ я вновь и вновь вамъ повторяю.

¹⁾ Двоюродный братъ графа М. С. Воронцова, матерью котораго была Екатерина Алексѣевна Нарышкина. П. Б.

²⁾ Т. е. Вестфальскаго короля Геронима, котораго Наполеонъ женилъ на дочери Зельмиры, т. е. на племянницѣ нашей Маріи Феодоровны. Есть книга съ описаніемъ этого бракосочетанія, и къ ней приложены снимки почерковъ всей семьи Наполеона. Они писали какъ лавочки. П. Б.

6-е Октября былъ счастливымъ днемъ для нашихъ войскъ; ибо въ тотъ же день, что главная армія со стремительностью опрокинула Мюрата, графъ Витгенштейнъ прогналъ Французовъ съ большими потерями изъ Полоцка. Самъ Сенъ-Сиръ былъ раненъ. Ваше сіятельство узнаете всѣ подробности изъ донесенія, который имѣю честь при семъ приложить. Наши военныя дѣйствія становятся съ каждымъ днемъ живѣе, и послѣдствія должны быть таковы, каковыхъ Бонапартъ безъ сомнѣнія не ожидалъ. Онъ въ этомъ раскается, и надѣюсь, что будетъ уже поздно. Графъ Витгенштейнъ за предъидущее дѣло произведенъ въ полные генералы, но извѣстіе о томъ не дошло еще до него въ день Полоцкаго боя. Это назначеніе доставитъ удовольствіе вашему сіятельству: вы издавна признаете заслуги этого генерала, котораго по справедливости можно назвать спасителемъ второй столицы Россіи. Что же касается лентъ, которыя ему пожалованы раньше, то я вполне согласенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства, что это не награда, потому что у насъ до обиды много увѣшанныхъ лентами. Покрытый орденами и лентами, онъ такъ бѣденъ, что безъ помощи Императрицы ему нечѣмъ жить. Ея Величество, зная его еще въ Курляндіи, гдѣ онъ служилъ во время ея поѣздки на воды, сразу увидала, чего онъ стѣдитъ, помѣстила его шестерыхъ сыновей въ Пажескій корпусъ за свой счетъ и взяла его подъ свое покровительство въ то самое время, когда онъ подвергался самымъ сильнымъ непріятностямъ и притѣсненіямъ; а потому она въ восхищеніи и отъ его производства, и отъ побѣды, имъ одержанной. И всѣ раздѣляютъ ея удовольствіе, тѣмъ болѣе, что Эссенъ (поджигавшій Ригу безъ всякаго смысла и толку) и графъ Штейнгель, прибывшій съ войсками изъ Финляндіи, оба, какъ генералъ-лейтенанты, старше его. Только недавно признали неспособность Эссена, хотя онъ давалъ тому многочисленныя доказательства, а заслуги Штейнгеля извѣстны, какъ квартирмейстера, и никто еще не видалъ его на полѣ сраженія. Судите же, что если бы Витгенштейну пришлось столкнуться съ этими господами, то, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ находился бы въ зависимости отъ нихъ, и дѣла пошли бы дурно, тогда какъ теперь онѣ идутъ хорошо. А это было бы неминуемо, такъ какъ всѣ три генерала должны были дѣйствовать почти въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Эссенъ поступаетъ какъ дрянной фанфаронъ, а не генералъ и, только что соединился со Штейнгелемъ, какъ вызвалъ его на поединокъ. Послѣдній отвѣчалъ, что припомнить о томъ послѣ войны. Эссена отправили назадъ въ Ригу, и его долженъ замѣстить маркизъ Паулуччи. Я не поклонникъ этого Итальянца, но все онъ лучше Эссена. За нимъ есть заслуги, много ума и живость Итальянская. Вспомнимъ его обращеніе къ Поулю при Дриссѣ,

когда онъ сказалъ, что сочинитель плана дѣйствій при Іенѣ или невѣжа, или предатель, годный погубить монархію, а не составлять военные планы для защиты страны. Императоръ велѣлъ ему выйти изъ военнаго совѣта, но слова Паулуччи останутся у него навсегда въ памяти.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я вкратцѣ, насколько позволяло мнѣ время, упомянулъ о порученіи Лористона къ князю Кутузову. Пополню его нѣсколькими позднѣйше полученными подробностями. Князь принялъ Лористона при всѣхъ генералахъ, включая, какъ увѣряютъ, и кавалера Вильсона. Лористонъ открылъ совѣщаніе, сказавъ, что его прислали предложить перемиріе и просить князя отослать Его Величеству письмо Бонапарта, содержащее предложеніе мира, дабы прекратить ужасающіе потоки крови, проливаемой съ такимъ ожесточеніемъ и варварствомъ. Князь отвѣчалъ, что не уполномоченъ принимать какія либо предложенія мира или перемирія и, конечно, не приметъ письма, написаннаго къ Его Величеству; кромѣ того онъ долженъ заявить, что на сторонѣ Русской арміи слишкомъ много преимуществъ, чтобы терять ихъ изъ за перемирія, въ которомъ она не нуждается. „Войну все равно придется прекратить; она не можетъ длиться вѣчно, особенно при такомъ варварскомъ способѣ, съ которымъ она ведется“. Князь Кутузовъ возразилъ: „Варварство введено въ войны просвѣщеннаго міра Французскими революціонерами и съ большимъ успѣхомъ продолжается Бонапартомъ. Война, дѣйствительно, не можетъ длиться вѣчно, но о мирѣ заговорять у насъ не раньше, какъ Французы перейдутъ Вислу. Россія не вызывала на войну, потому что отъ Государя зависѣло уничтожить всѣ приготовленія Бонапарта по ту сторону Вислы, прежде нежели онъ былъ готовъ къ войнѣ, напавъ всѣми готовыми силами на магазины и отряды въ Польшѣ; но онъ не пожелалъ ни нарушать спокойствія, ни быть наступателемъ, а надѣялся сохранить миръ. Бонапартъ самъ вступилъ въ Россію, даже не объявивъ войны, и опустошилъ большую часть государства; онъ можетъ выбираться изъ Москвы, какъ хочетъ, потому что мы его туда не приглашали. Мы же, съ своей стороны, должны дѣлать ему насколько возможно больше вреда; когда онъ объявилъ своимъ войскамъ въ Москвѣ объ окончаніи похода, Русскіе еще начинали его; если онъ этого не зналъ тогда, то пусть знаетъ теперь“. — „Если нѣтъ надежды на миръ, то, конечно, надо уходить; но какъ же выйти? Все же придется проливать кровь, все же сражаться, ибо ваши отряды идутъ со всѣхъ сторонъ (страшное признаніе)“, добавилъ Лористонъ. „Повторяю“, отвѣчалъ князь, „принимайте, какія можете, мѣры для выхода, мы же будемъ мѣшать вамъ, но о мирѣ будутъ разговоры только послѣ

перехода черезъ Вислу. „Впрочемъ“, прибавилъ онъ, „еще не пришло время, а можетъ и придетъ, когда о вашемъ выходѣ позаботимся мы сами, если уже на то пошло“.

Лористонъ жаловался еще на ожесточеніе и ярость, возбужденную въ народѣ, съ цѣлью устранить всякое сближеніе съ Французами, рассказами, будто сіи послѣдніе сожгли и разграбили Москву, тогда какъ виновниками были сами жители. Князь отвѣчалъ, что не было еще примѣра жалобъ на одушевленіе и любовь къ родинѣ всей націи, защищающей свою страну противъ непріятеля, напавшаго на нее и возбудившаго то ожесточеніе и ярость, которыя мы не можемъ достаточно похвалить и оцѣнить. „Что же касается пожара Москвы, то я слишкомъ старъ, у меня слишкомъ много военного опыта и вѣры въ Русскій народъ, чтобы не быть ежедневно и подробно освѣдомлену о томъ, что происходитъ въ Москвѣ. Я самъ приказалъ уничтожить нѣкоторыя лавки и склады, жители помогли мнѣ въ этомъ; но со времени входа Французовъ въ Москву они сожгли только экипажные магазины, когда вы захотѣли обзавестись экипажами. Въ столицѣ было очень мало пожаровъ, причиненныхъ жителями. Наоборотъ, вы послѣдовательно разрушали столицу, намѣчая кварталы, которые должны были быть сожжены въ опредѣленные дни. У меня объ этомъ есть особый приказъ, и я его имѣю давно. Этому приказу слѣдовали точно, и доказательствомъ тому, что не жители разрушили Москву, служить то, что дома и зданія, выстроенные слишкомъ прочно, вы разрушали, кидая въ пламя бомбы. Безъ сомнѣнія, мы постараемся отплатить вамъ и заставить васъ почувствовать вашу вину. Наше совѣщаніе окончено“, прибавилъ онъ.

Разумѣется, Лористонъ не былъ доволенъ. Французы давно привыкли устраивать подобныя дѣла съ глазу на глазъ или въ дружескомъ свиданіи; здѣсь же 30 человекъ были свидѣтелями достоинства Русскаго фельдмаршала и низости мерзавца, посланнаго къ нему разбойникомъ.

При семъ посылаю вашему сіятельству нѣсколько бумагъ касающихся злосчастной Москвы и между прочимъ донесеніе управляющаго Гяздарева къ Постникову*) о томъ, что домъ вашъ болѣе не суще-

*) Захару Николаевичу, пріятелю графа С. Р. Воронцова. Домъ, унаслѣдованный графомъ отъ брата-канцлера, находился въ Нѣмецкой Слободѣ и въ наши дни принадлежалъ Гольцгоеру. Для отвоза изъ него вещей были высланы изъ Андреевскаго подвода, но привезенный туда съ Бородинскаго поля графъ Михаилъ Семеновичъ приказалъ вносить вещи назадъ въ домъ, а на подводахъ уѣхали въ Андреевское раненые солдаты, сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, находившихся подъ его начальствомъ. П. Б.

ствуеть. Ваше сіятельство будете въ восторгѣ, узнавъ, что только графъ Румянцовъ и князь Куракинъ удостоились чести получить стражу къ своимъ домамъ, и что Французы прилагали всѣ старанія, чтобы отстоять ихъ отъ сосѣднихъ пожаровъ. Вообразите, что первый имѣлъ глупость или гнусность хвалиться этимъ за столомъ у Ея Величества Императрицы-матери. Почти всѣ дворцы другихъ знатныхъ лицъ были разрушены, сожжены, а нѣкоторые даже скрыты до основанія. Когда узнаются всѣ подробности, я не премину сообщать ихъ вамъ, а пока ваше сіятельство найдете кое-что въ письмѣ нѣкоего Булгакова, правителя канцеляріи графа Ростопчина; его задержали нѣсколько дней въ Москвѣ, а потомъ онъ бѣжалъ¹⁾. Вы найдете также въ присланномъ смѣшную прокламацію Лессепса, бывшаго здѣсь консуломъ, такъ называемаго Московскаго губернатора, которая не произвела никакого впечатлѣнія. Порядокъ дѣлъ—документъ любопытный; въ немъ видно, какихъ трудовъ стоило Бонапарту получить свой обозъ, и онъ его такъ и не получилъ, благодаря стараніямъ Винценгероде и Дорохова. Я посылаю также газету, которая должна появиться здѣсь и гдѣ будутъ печататься всѣ извѣстія касательно событій. Я велѣлъ подписаться на нее для вашего сіятельства и буду высылать съ оказіями²⁾.

Посылаю вашему сіятельству двѣ выдержки изъ письма Вильсона ко мнѣ; вы прочтете, что онъ говоритъ о сынѣ вашего сіятельства. О немъ никогда нельзя сказать слишкомъ много. Такъ какъ онъ пишетъ мнѣ по англійски, то я предпочитаю послать вамъ эти письма лучше въ подлинникѣ, нежели въ слабомъ, быть можетъ, переводѣ. Отсылаю также копію съ письма графа Михаила, написаннаго мнѣ послѣ оставленія Москвы. Чувства и мнѣнія достойны быть сохранены на всѣхъ языкахъ. Я имѣлъ честь читать это письмо Государынѣ. Ея Величество благодарила меня и сказала, что никогда еще не встрѣчала въ краткихъ словахъ болѣе полного и яснаго военнаго и политическаго трактата, какъ въ этомъ письмѣ.

*

Петербургъ, 17 Октября 1812 г.

Я встрѣтилъ у графа Ливена лорда Каткарта, который передалъ мнѣ письмецо отъ кавалера Вильсона и пригласилъ къ себѣ, чтобы прочесть, что онъ ему отвѣчалъ. Въ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ говорить только, что „начало новой драмы, подъ названіемъ Местъ, было

¹⁾ Этого письма не имѣли мы, печатая письма А. Я. Булгакова въ „Русскомъ Архивѣ“. Онъ вѣроятно описалъ это бѣгство изъ Москвы въ своихъ неизданныхъ Запискахъ, рукопись которыхъ нынѣ принадлежитъ графу С. Д. Шереметеву. П. Б.

²⁾ Это „Сынъ Отечества“. П. Б.

исполнено наканунѣ съ большимъ блескомъ и успѣхомъ, а продолженіе будетъ даваться безпрерывно“. За подробностями онъ меня отсылаетъ къ лорду Каткарту, и тотъ, дѣйствительно, даетъ ихъ съ точностью. Непрiятельская кавалерiя въ самомъ ужасномъ положенiи, и лошади падаютъ тысячами. Французы ѣдятъ падалъ, поддерживая заботливо лошадей до послѣдняго признака жизни; найдены Французскіе котлы, полные этихъ отвратительныхъ яствъ, и рядомъ трупы животныхъ! Они попомнятъ Москву! Никто не могъ дать свѣдѣній о Бонапартѣ, развѣ только, что его ждали на завтра, и казаки захватили его лошадей съ племянникомъ военнаго министра Кларка, ожидавшихъ его въ одной деревнѣ. Одинъ казачій отрядъ захватилъ громадную добычу, до ста червонцевъ на голову, кромѣ вещей, а отрядъ Татаръ выказалъ безкорыстіе и патріотизмъ, достойные всякой похвалы: захвативъ обозъ съ богатой церковной утварью, они не прельстились золотомъ и серебромъ и тотчасъ же отправили все главнокомандующему для возвращенiя въ церкви Божіи. Предполагаютъ, что Себастиани убитъ, потому что нашли трупъ, весь изсѣченный саблями и на немъ ордена Лeгіона и Croissant.

Нѣсколько дней тому назадъ отрядъ бѣднаго Винценгероде захватилъ Французскаго курьера со множествомъ писемъ. Между ними нашлось одно Бонапарта къ Маріи-Луизѣ, въ которомъ онъ пишетъ, что вся Русская пѣхота уничтожена; что, не будучи въ состоянiи заставить Александра просить мира занятіемъ Москвы, онъ намѣренъ двинуться на Петербургъ, чтобы привести ихъ въ разумъ. Негодяй обманываетъ даже свою жену, потому что въ указанiяхъ, которыя отъ него получилъ Саварі, онъ говоритъ приблизительно противоположное, посылая ему статьи для „Монитѣра“ и приказанiя о томъ, что онъ долженъ говорить. Это тенета, содержащія въ себѣ столько противорѣчивыхъ нитей, такъ любопытны, что я жалѣю, что у насъ не помышляютъ о напечатанiи ихъ сполна.

Ваше сіятельство были правы, говоря, что Бернадоттъ слишкомъ тонокъ въ личныхъ совѣщанiяхъ. Событія, кажется, подтвердили это мнѣніе; ибо именно съ этой поѣздки Швеція не думаетъ болѣе ни объ содѣйствіи, ни о высадкѣ въ Германію, и въ тоже время всѣ убѣждены въ противномъ. Впрочемъ никакая держава не сможетъ спасти Россію въ данное время, если Россія не спасетъ себя сама. Благодареніе Богу, у насъ въ этомъ наконецъ явились надежда и довѣріе. Нація будетъ имѣть заслугу, что спаслась сама, безъ того, чтобы стоящіе у кормила дали себѣ трудъ толково подумать объ этомъ. Я нахожу, что прокла-

мація Испанскаго регента по поводу заключеннаго съ нами трактата дѣлаетъ намъ слишкомъ много чести, и дайте самому искусному изъ нашихъ министровъ задачу оправдать насъ за прошлое, никто не съумѣетъ дать такой смыслъ и оборотъ, какъ это сдѣлалъ инфантъ въ своей прокламаціи, потому что она, безъ сомнѣнія, чужда низкимъ чувствамъ нашихъ министровъ и далеко выступаетъ за предѣлы нашихъ узкихъ умовъ, хотя по существу своему она справедлива и соотвѣтствуетъ чувствованіямъ Государя. Мы должны повергнуться къ ногамъ этого Испанскаго гранда за то, что онъ далъ себѣ трудъ благородно сдѣлать для насъ то, что мы сами неспособны были оказать для поддержанія чести и достоинства, если отъ нихъ что нибудь еще осталось послѣ нашего униженія. Надо воздать должное Испанцамъ, что они не умѣютъ дѣлать дѣло наполовину, ни въ своихъ рѣчахъ, ни въ своихъ поступкахъ. Какая энергія, какая твердость, какая храбрость! Если лордъ Веллингтонъ не остановится на своемъ поприщѣ, онъ возродитъ Югъ Европы физическими и моральными качествами трехъ націй, ему послушныхъ. Что касается насъ, дай Богъ выпутаться намъ изъ бѣды; но не съ Р. и компаніей во главѣ станемъ мы на правильный путь.

Нашъ военный планъ не болѣе, какъ случайность, я въ этомъ твердо увѣренъ; потому что только въ припадкѣ безумія можно было довести непріятели до Москвы и сдать ее. Провидѣніе, уставшее отъ преступленій ужаснаго злодѣя, гнетущаго міръ, можетъ погубить его въ ней, если мы отдадимъ себя въ волю Его и не выпустимъ злодѣя на этотъ разъ. Увѣряю васъ, что я не покоенъ на этотъ счетъ, принимая во вниманіе все, что происходитъ въ арміи: разрозненность, каверзы, раздоры, полумѣры. и особенно опасные проходимцы, которыми мы окружены. Эта бездна закроется только съ исчезновеніемъ Бонапарта. Во всемъ вышесказанномъ надо искать причину, и плана военныхъ дѣйствій и возвышенія Пфуля, какъ автора плана, и Барклая, какъ его исполнителя. Впрочемъ, я уже затрогивалъ раньше этотъ вопросъ; не буду болѣе говорить, скажу только, что плана не существуетъ и никогда не существовало, потому что его тысячу разъ перемѣняли, и что ссылка Сперанскаго мало что мѣняетъ въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Слѣдовало, быть можетъ, сослать нѣсколько тысячъ его подлыхъ послѣдователей, чтобы пресѣчь зло въ корнѣ и начисто вычистить государство. Говорятъ, будто дѣло возобновилось, но о немъ снова ничего не слышно. Б., какъ говорятъ, долженъ былъ недавно дать отчетъ въ извѣстныхъ бумагахъ, найденныхъ будто у Сперанскаго, которыхъ онъ не представилъ и даже не упомянулъ о нихъ въ своихъ донесеніяхъ,

хотя въ существованіи бумагъ увѣрены. Не знаю, далъ ли онъ отчетъ и какой, но всѣ его поступки очень сомнительны; и все же онъ остается на мѣстѣ.

Адмиралъ Бентингъ, находящійся здѣсь, долженъ быть большимъ пройдохою, но человѣкъ съ умомъ. Онъ называетъ себя ближайшимъ другомъ Бернадотта и его горячимъ поклонникомъ; таинственный тонъ, принятый имъ вначалѣ, когда онъ давалъ понять, что онъ агентъ принца Вельскаго и его повѣренный, доставилъ ему пріемъ, слишкомъ подчеркнутый, нѣкотораго рода энтузіазмъ (что довольно часто встрѣчается у насъ); но съ тѣхъ поръ, какъ его немного раскусили, послѣдовала остуда. Однако, онъ говорилъ достаточно, чтобы повредить дѣламъ, какъ будто онъ былъ уполномоченъ диктовать законы. Все это произвело дурное впечатлѣніе, и ему нужно приписать, что Новосильцова не назначили въ Лондонъ, потому что онъ требовалъ этого съ шумомъ и гамомъ. Государь въ общемъ не любитъ подобнаго тона и дѣлаетъ обыкновенно обратное, а Р. окончилъ и хвастается этимъ. Новосильцовъ былъ первымъ изъ трехъ, коихъ Его Величество намѣтилъ на этотъ постъ въ Свѣнцияхъ. Лордъ Каткартъ былъ принужденъ, какъ увѣряютъ, дать хорошій урокъ этому адмиралу и заставилъ его замолчать. Что касается Новосильцова, онъ пока ничего не дѣлаетъ. Его Величество, однако, обходится съ нимъ внимательно и даже дружелюбно. Пріѣхавъ сюда, онъ помѣстился въ такомъ плохомъ и нездоровомъ домѣ, что я предложилъ ему помѣщеніе въ домѣ вашего сіятельства, въ ожиданіи, пока домъ, нанятый имъ, будетъ отдѣлянъ. Онъ переѣдетъ на этихъ дняхъ. Онъ просилъ меня засвидѣтельствовать вашему сіятельству почтеніе.

Здѣсь д'Ивернуа. У насъ страсть бѣгать за всѣми вновь прибывающими. Д'Ивернуа, писавшій только за деньги Англійскаго правительства то, чего Англичане никогда не читали, потому что у нихъ много лучшихъ финансистовъ, нежели онъ, считается у насъ удивительнымъ человѣкомъ, и этого педанта принимаютъ, какъ чловѣка исключительнаго. Мало того: говорятъ, онъ просмотритъ наши финансы и выскажется по поводу ихъ! Иностранецъ, не знающій ни языка страны, ни ея законовъ и источниковъ доходовъ, предпринимаетъ книгу подобнаго рода. Я предвижу, что она будетъ очень глупа: а пока онъ наводнилъ насъ своими брошюрами, которыхъ, какъ кажется, привезъ цѣлый тюкъ. Я уже не говорю о неосторожности допускать иностранцевъ всякаго пошиба въ ту область администраціи, гдѣ тайна необходима.

Мы съ удовольствіемъ узнали о наказаніи, понесенномъ Американцами отъ Англичанъ. Они его заслужили. Успѣхъ ихъ войскъ не соответствовалъ ихъ дерзости, и я надѣюсь, что они, наконецъ поймутъ, что заниматься торговлею и быть солдатомъ не одно и тоже. Мадизону должно быть не по себѣ, и я надѣюсь, что онъ не останется на своемъ мѣстѣ.

Ваше сіятельство спрашиваете, есть ли у насъ газета съ послѣдовательнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій. Къ несчастью и стыду нашему у насъ нѣтъ ничего въ этомъ родѣ, развѣ только тѣ летучіе листки, что я вамъ правильно посылаю, и то ихъ стали выпускать регулярно и понятнымъ языкомъ только со времени командованія Кутузова *).

Англичане и вообще всѣ иностранцы испугались первые и убрали свои пожитки, а теперь остаются, но вещей не раскладываютъ, боясь повторенія того же. Множество уѣхало. Они-то и произвели общій переполохъ. Богъ знаетъ, откуда они получаютъ вѣсти, а зложелатели, ненавистные мнѣ Поляки, умѣютъ заставить ихъ всему вѣрить. Англичане истратили значительныя суммы, нанявъ корабли здѣсь и въ Кронштадтѣ, чтобы тѣ были наготовѣ взять ихъ на бортъ.

Графъ Ростопчинъ опасно боленъ во Владимирѣ. Отъ времени до времени онъ выпускаетъ прокламаціи. Ваше сіятельство найдете одну изъ нихъ въ пакетъ графа Михаила. Не скрою, что тонъ и слогъ не приличествуетъ его сану. Это могло быть хорошо въ началѣ, въ Москвѣ, единственномъ городѣ имперіи, гдѣ были тѣ, кого зовутъ чернью; что касается народа, то онъ никогда не нуждался въ подобныхъ писаніяхъ и всегда шелъ навстрѣчу желаніямъ, требованіямъ и ожиданіямъ и выказывалъ свойства и энергію, достойныя похвалы. Прокламаціи подобнаго рода теперь особенно неумѣстны. Кому проповѣдуютъ? Пустымъ стѣнамъ и развалинамъ? Правда, Ростопчинъ воодушевилъ чернь, но теперь она разбрелась, и собрать ее въ данное время трудно. Вообще, онъ слишкомъ любитъ ремесло писаки.

*

Петербургъ, 18 Октября 1812.

Сегодня вернулся курьеръ Березовскій, давнишній знакомецъ графа Михаила и мой, изъ Нижняго Новгорода, куда сопровождалъ тѣло князя Багратіона для преданія его землѣ въ помѣсть князя въ Грузіи. Онъ вѣхалъ мимо Андреевскаго и привезъ отъ графа Михаила письмо мнѣ отъ 11 сего мѣсяца и пакетъ, при семъ прилагаемый, для вашего

*) Благодаря Андрею Сергѣевичу Кайсарову, который въ военной Типографіи при главной арміи напечаталъ прекрасные стихи своего пріятеля: „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“, а также приказы И. Н. Скобелева. П. Б.

сіятельства. Меня удивляетъ, почему письмо къ вамъ помѣчено 7-мъ, тогда какъ мое—11-мъ; а курьеръ подтвердилъ мнѣ, что онъ выѣхалъ именно въ этотъ день. Рана графа уже закрывалась, и онъ думалъ оправиться дня черезъ 3—4. Онъ еще ходилъ на костыляхъ, но болѣе для предосторожности, нежели по необходимости. Другіе раненые (ихъ оставалось еще довольно) понемногу поправлялись, и нѣкоторые уже догнали армію, благодаря великодушнымъ заботамъ графа Михаила. Кромѣ 50 или 60 офицеровъ, въ Андреевскомъ жило слишкомъ 150 солдатъ, изъ коихъ 100 человекъ уже отосланы въ армію, и они, уѣзжая, благословляли ваше сіятельство и вашего достойнаго сына за пріютъ, найденный ими на вашей землѣ и за всё о нихъ заботы, которыя расточались въ изобиліи.

Ваше сіятельство спрашиваете, почему, измѣнивъ политическую систему, не смѣнили министровъ, чувства и мнѣнія которыхъ не могутъ не быть противными новому порядку вещей? Признаюсь, я не въ состояніи объяснить и бьюсь о закладъ, что этого не сдумѣетъ сдѣлать самый ловкій человекъ. Татищевъ, уѣзжающій дня черезъ 3—4, не больше меня объяснить; но, можетъ быть, онъ дастъ болѣе ясныя указанія. Мнѣ думается, что сюда входитъ въ большой степени малодушіе передъ будущимъ, не взирая на крайнія мѣры и рѣшимость не помышлять ни при какихъ обстоятельствахъ о мирѣ, коими мы какъ бы обѣлялись отъ слабости или отсутствія храбрости и твердости. Можетъ быть, это заблужденіе по отношенію къ чувствамъ людей, между которыми Государь думалъ найти вѣрнаго пособника въ лицѣ графа Р. и таковымъ выставлялъ его, какъ увѣряютъ, въ Або. Не буду распространяться по этому поводу, потому что я сказалъ все, что могъ, въ письмѣ, посланномъ съ кавалеромъ Безерра. Такъ какъ зло остается, будемъ молить Бога, графъ, чтобы оно длилось не вѣчно; но я боюсь, что Россія будетъ погублена этими развращенными людьми.

Весь народъ Московской и Смоленской губерній вооруженъ; неприятели губятъ тысячами въ сраженіяхъ и въ большомъ количествѣ забираютъ въ плѣнъ, особенно мародѣровъ. Въ Сычевкѣ есть городничій, проявившій чудеса храбрости; онъ такъ возбудилъ населеніе, что въ его распоряженіи состоитъ отрядъ охочихъ людей въ 10.000 человекъ. Нѣкій князь Мещерскій*), майоръ въ отставкѣ съ незапамятныхъ временъ, владѣющій землею съ 1200 душами близъ Воскресенска, вооружилъ ихъ всёхъ, и военные подвиги этого отряда достойны быть занесены на страницы исторіи; вся округа присоединилась къ нему, и онъ считаетъ до 16.000 человекъ способныхъ къ бою, которые дѣй-

*) Это владѣлецъ Латошина, потомокъ боярина Матѣева. П. Б.

ствують, совмѣстно съ Винценгероде, твердо рѣшивъ отдать свое имущество и свободу только цѣною жизни. Вотъ народъ, который Бонапартъ думалъ покорить! Звѣрства, совершенныя имъ, только разожгли месть. Ничто не можетъ такъ хорошо очертить гнусностей святотатства этихъ звѣрей-Французовъ какъ простой и наивный вопросъ Арнаута или Албанца у графа Строганова при видѣ оскверненныхъ Божіихъ храмовъ: „Развѣ Французы не такіе Христіане, какъ вы? Вѣдь Русскіе отнеслись съ уваженіемъ къ нашимъ мечетямъ, хотя вы и не Мусульмане!“ Никто не говоритъ, ни про убытки, ни про жертвы, помышляя только о славѣ родины и благополучіи всей вселенной. Москва заслуживаетъ чествованія, на которое должны были бы въ паломничествѣ прійти всѣ страны и принести дары для ея возстановленія. Много лицъ, окончательно разоренныхъ, предлагаютъ ей и себя. Нѣкій сенаторъ Бибииковъ, недавній министръ въ Неаполѣ, лишился всего въ Могилевѣ и Смоленскѣ: все было сожжено и разграблено, и у него остался только домъ здѣсь, въ которомъ онъ сдалъ одинъ этажъ внаймы, чтобы было чѣмъ существовать съ семьєю, а раньше имѣлъ 75.000 дохода. Я видѣлъ, какъ онъ съ радостью уѣзжалъ съ здѣшней милицією, которою командуетъ при графѣ Витгенштейнѣ съ большими отличіями, покинувъ Сенатъ и многолюдную семью, съ которой никогда раньше не разставался; я видѣлъ, съ какой готовностью и твердостью отправлялъ онъ своего 18-ти лѣтняго сына въ главную армію. Можно привести много примѣровъ, какъ придворныхъ, такъ и частныхъ лицъ, жертвующихъ своимъ имуществомъ и жизнью; вотъ, хоть, Мордвиновъ, камергеръ, убитый подъ Полоцкомъ во главѣ отряда храброй милиціи, о которой Витгенштейнъ говоритъ съ такимъ уваженіемъ. Есть только одинъ негодяй или безумецъ, нѣкій Загряжскій, который способствовалъ гнуснымъ дѣйствіямъ Бонапарта. Онъ былъ назначенъ префектомъ Москвы послѣ того, какъ Лессепсъ увидалъ, что ничего не можетъ сдѣлать и дѣла не идутъ согласно желаніямъ завоевателя. Этого негодяя произвели въ графы патентомъ Бонапарта съ пожалованіемъ ему имѣнія графа Алексѣя Разумовскаго (подмосковная Горенки). Все закончилось празднествомъ, которое онъ далъ тамъ и которое стоило, вѣроятно, немало. Желалъ бы я знать, что съ нимъ станется потомъ.

*

Петербургъ, 27 Октября 1812.

Призванный вчера къ Ея Величеству Императрицѣ, я успѣлъ только задѣлать пакетъ въ Стокгольмъ, содержащій послѣднія донесенія, прося г-на Лангеля тотчасъ переслать ихъ барону Николаи. Однако, на всякій случай, я при семь посылаю дубликаты и два доне-

сенія сегодняшняго утра, одно генерала Чичагова, другое—князя Кутузова. Они подробны и, слѣдовательно, избавляютъ меня отъ необходимости повторять все, что касается нашихъ военныхъ дѣйствій, которыя таковы, что даютъ намъ надежду на скорое освобожденіе отъ кровожаднаго тигра, терзающаго и опустошающаго вселенную. Думается мнѣ, что ото всей этой орды варваровъ не останется ни единого, чтобы принести извѣстіе о ихъ пораженіи въ Европу.

Донесеніе графа Витгенштейна послано вчера по почтѣ. Этотъ храбрый генераль побилъ остатокъ корпуса Сенъ-Сира въ Чашникахъ и большую часть корпуса Виктора, посланнаго ему на помощь. Лордъ Каткартъ думаетъ, не знаю на какомъ основаніи, что Викторъ присутствовалъ въ дѣлѣ лично; между тѣмъ намъ говорятъ, что командовалъ Легранъ. Армія Витгенштейна шла усиленнымъ маршемъ на Сѣнно и должна уже теперь соединиться съ Чичаговымъ. По слухамъ сей послѣдній уже въ Несвижѣ. Польскій генераль Конопко, взятый въ плѣнъ въ Слонимѣ, братъ г-жи Татищевой. Онъ запятналъ свои руки Испанской кровью; не знаю, имѣлъ ли онъ случай сдѣлать тоже у насъ. Дмитрій Павловичъ долженъ быть огорченъ, но что же дѣлать? Ошибки подобнаго рода не такъ легко искупаются.

Списокъ наградъ, который ваше сіятельство при семъ найдете, не заслуживаетъ поясненій. Онъ возбудилъ всеобщее негодованіе. Если уже даютъ награды, которыхъ никто не проситъ за эту войну, то нужно соблюдать извѣстное соотношеніе, мѣру и самую строгую справедливость. Въмѣсто того возбуждаютъ только недовольство, вполнѣ, впрочемъ, справедливое, и я могу увѣрить васъ, что орденъ св. Анны съ брилліантами, данный графу Михаилу, возмутилъ всѣхъ.

Есть отличныя перехваченныя письма, особенно одно—Бонапарта къ Бассано изъ Вильны о томъ, какъ ему обманывать союзниковъ, чтобы скорѣе и возможно больше получать рекрутовъ. льстя и угрожая, сообразно характеру и настроенію каждаго. Затѣмъ онъ пишетъ, что въ газетахъ непременно надо увеличивать вдвое и втрое количество подкрѣпленій, дабы насъ утратить. Я думаю, что Бонапартъ пожертвуетъ Богъ знаетъ чѣмъ, только бы не печатали этого письма, и графъ Р. исполняетъ его желаніе, сохраняя его въ неизвѣстности, какъ все, что давно заслуживало бы обнародованія.

Не могу умолчать о геройствѣ одного крестьянина, котораго хотѣли сдѣлать знаменосцемъ непріятельскаго знамени. Едва наложили

на него клеймо (сообразно обычаю во Франціи), свидѣтельствующее, что онъ съ этого времени Французскій солдатъ, какъ тотъ взялъ топоръ и на глазахъ у всѣхъ отрубилъ себѣ кисть руки. Послѣ Муція Сцевоиллы это первый извѣстный случай, и надо принять во вниманіе разницу между Римскимъ сенаторомъ и крестьяниномъ; положеніе ихъ обоихъ не имѣетъ ничего общаго для сравненія. Другой крестьянинъ подговорилъ своихъ односельчанъ безстрашно напасть на отрядъ непріятельскихъ фуражировъ въ ту минуту, какъ эти оголодавшіе волки кинулись въ избы въ поискахъ за съѣстными припасами, и захватилъ 150 плѣнныхъ, не считая убитыхъ. Фельдмаршалъ далъ ему крестъ Георгія 5-й степени (установленный для солдатъ) и позволилъ носить саблю.

*

Петербургъ, 8 Ноября 1812.

Имѣю честь переслать вашему сіятельству два письма графа Михаила; одно изъ нихъ, отъ 24 прошлаго мѣсяца, получено мною черезъ курьера графа Ростопчина четыре дня тому назадъ, второе—почтою, третьяго дня. Отъ всего сердца поздравляю ваше сіятельство съ выздоровленіемъ графа Михаила. Думаю, что онъ уже въ арміи, куда направляю послѣднее время свои письма. Хвала Богу, положеніе нашихъ дѣлъ таково, что намъ нечего больше опасаться ни большихъ сраженій, ни боенъ, въ родѣ Бородинской. Въ другомъ пакетѣ въ Стокгольмъ я посылаю послѣднія донесенія съ просьбою немедленно переслать ихъ либо вашему сіятельству, либо барону Николаю. Какъ увидите, отступленіе непріятели таково, что онъ теряетъ всю свою артиллерію, кидаетъ багажъ и отдаетъ въ наши руки великое количество плѣнныхъ, почти безъ значительныхъ потерь съ нашей стороны, въ виду того, что дѣйствуютъ въ большинствѣ случаевъ казаки, которые не даютъ завлечь себя въ бой. Платовъ искупилъ свою вину, совершенную послѣ Бородинскаго боя *). Онъ пожалованъ въ графы. Захватить въ дѣлѣ 62 пушки только казаками, вещь до сей поры неслыханная, а именно это и сдѣлалъ Платовъ 28 прошлаго мѣсяца, какъ ваше сіятельство увидите изъ донесеній. Между ними находятся два перехваченныхъ письма Богарнѣ къ Вертѣе, въ которыхъ онъ рисуетъ плачевную картину состоянія корпуса, коимъ командуетъ. Должно произойти полное уничтоженіе непріятели, и мы съ минуты на минуту ждемъ этой вѣсти. Походъ князя Кутузова прямо черезъ Ельню на Красное по моему настолько же мудръ, какъ страшенъ для непріятели, который видитъ у себя слѣва могучую и побѣдоносную армію, идущую параллельно ему и которую онъ ни разу не смогъ прорвать; въ тоже

время справа и сзади, его на каждомъ шагу осаждаетъ туча легкихъ отрядовъ, о которыхъ онъ нѣкогда отзывался съ презрѣніемъ, которымъ теперь ничего не можетъ противопоставить и которые не даютъ ему возможности даже вздохнуть. Послѣ происшедшаго въ Дорогобужѣ и Духовщинѣ, надо ждать чего нибудь болѣе важнаго подѣ Смоленскомъ; зная, какъ близко были войска вокругъ этого знаменитаго города, ваше сіятельство можете судить о нетерпѣиіи получить извѣстіе о томъ, что должно было тамъ произойти. Думаютъ, что Бонапартъ долженъ былъ въ Смоленскѣ ждать прибытія своей побитой и прогнанной арміи, но нѣтъ никакихъ свѣдѣній о немъ лично и объ его намѣреніяхъ. Графъ Витгенштейнъ взялъ направленіе къ Оршѣ, чтобы быть наготовѣ идти либо на Могилевъ, либо на Витебскъ. Мнѣ кажется, что Бонапартъ не сможетъ выйти изъ Смоленска, не повстрѣчавшись съ нимъ. Хотя и нѣтъ оглашенныхъ вѣстей о Чичаговѣ, но я увѣренъ, что онъ будетъ находиться на назначенномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что генераль-лейтенантъ его корпуса, Сакенъ, уже давно прошелъ Слонимъ, захвативъ въ этомъ городѣ милаго брата г-жи Татищевой отрядомъ нашихъ гусаръ подѣ командованіемъ генераль-маіора Чаплица. Однимъ словомъ, дѣла идутъ какъ нельзя лучше, и конечный успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію.

Крикуны арміи (изъ нихъ наиболѣе ожесточенный Вильсонъ, я этимъ очень недоволенъ) говорятъ, что можно было окончательно уничтожить Бонапарта и его армію подѣ Малымъ Ярославцемъ и Вязьмою, напавъ на него по всѣмъ пунктамъ; но Кутузовъ, какъ говорятъ, заявилъ этимъ господамъ, что не потеряетъ безъ необходимости ни одного человѣка, что непріятелю, усталому, голодному, ослабленному до послѣдней степени, надо идти еще 800 верстъ, а онъ, идя въ порядкѣ съ побѣдными, свѣжими, хорошо накормленными и обеспеченными всѣмъ войсками, всегда будетъ имѣть время нагнать непріятеля, не утомляя бесполезно своей арміи ни сраженіями, ни форсированными маршами и достигнетъ той же цѣли, сохранивъ людей и провіантъ. Графъ Сенъ-При писалъ сюда, что онъ не узналъ арміи, оставленной имъ при Бородинѣ: такъ она пополнилась и поправилась послѣ отступления изъ Москвы и что съ подобной арміей можно идти не только до Вислы, но если нужно, то и значительно дальше. Но этотъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, еще не рѣшенъ.

*

Петербургъ, 11 Ноября 1812 г.

Посылаю при семъ донесенія о нашихъ послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Новые успѣхи графа Витгенштейна величайшей важности.

Думаютъ, что какъ ни стремительна была атака Виктора съ 40.000 людей, тогда какъ Витгенштейнъ, имѣя многочисленные отряды, разбросанные по всеѣмъ сторонамъ, могъ ему выставить только 15.000, но она была ложная, потому что Викторъ не возобновилъ ея, не смотря на свое большое преимущество. Полагаютъ, что онъ повернетъ, подкрѣпленный другими частями со стороны Смоленска, на Минскъ, и такимъ образомъ адмиралъ Чичаговъ будетъ атакованъ всеѣми силами Бонапарта. И все же за его армію не боятся: она составлена изъ очень хорошихъ частей и генераловъ. Впрочемъ князь Кутузовъ продолжаетъ идти параллельно Французамъ черезъ Ельню на Красное, откуда помѣчены его послѣднія донесенія. Было прекрасное дѣло авангарда съ непріателемъ, вслѣдствіе коего 4.000 Французовъ съ тремя генералами сложили оружіе вмѣстѣ съ 22 пушками. Одна часть состояла изъ Французской гвардіи съ лучшимъ гвардейскимъ генераломъ Дюфоромъ. Рапортъ о дѣлѣ еще не напечатанъ; если онъ выйдетъ до отправки этого письма, ваше сіятельство его получите. Князь Кутузовъ пишетъ, что представляетъ казакамъ позаботиться о голодной смерти гарнизона въ Смоленскѣ, который укрѣплялъ тамошній губернаторъ Жомини, тотъ самый, что много писалъ о военномъ искусствѣ. Поэтому мнѣ кажется, что главная армія успѣетъ подойти къ Чичагову приблизительно къ тому времени, когда сего послѣдняго атакуетъ непріатель. Думаютъ, что именно таковъ долженъ быть планъ Бонапарта, потому что онъ идетъ Оршею и Минскомъ на Вильну, а Шварценбергъ находится со стороны Галиціи, наблюдаемый генераломъ Сакеномъ съ 30.000 людей. У адмирала ихъ приблизительно 50.000. Всѣ эти подробности сообщены намъ какъ официальными рапортами, такъ и генераломъ Винценгероде и вашимъ племянникомъ Львомъ Нарышкинымъ, которые освобождены авангардомъ Чичагова и прибыли сюда вчера. Они увѣряютъ, что у непріателя есть цѣлые корпуса, питающіеся въ теченіи уже 13 дней одною кониной безъ хлѣба: Ихъ отослали со всей поспѣшностью изъ Дорогобужа, увидавъ, что казаки и авангардъ тѣснятъ бѣгущую армію. Офицеры и жандармы, ведшіе ихъ, получили приказъ остановиться только въ Вильнѣ на короткое время и вести ихъ въ Мець, не позволяя никому ни видѣть ихъ, ни разговаривать. Въ трехъ переходахъ до Минска, при выходѣ изъ Бобра, они встрѣтили 10 казаковъ, пикетъ казачьяго полка подъ начальствомъ адъютанта Его Величества Чернышова, высланнаго развѣдать, гдѣ находится Витгенштейнъ. Этотъ полкъ, взявъ окольную дорогу, остановился въ 4 верстахъ отъ Бобра, оставивъ на главной дорогѣ пикетъ, которому и удалось освободить плѣнниковъ и захватить трехъ курьеровъ, двухъ отъ Бонапарта и одного изъ Парижа съ бумагами величайшей важности. Между прочими есть письмо Бонапарта къ Саварі,

подтверждающее слухи о возмущеніи въ Парижѣ, потому что онъ упрекаетъ послѣдняго за непринятіе мѣръ противъ бунта, который онъ долженъ былъ предвидѣть. Увѣряютъ, будто плѣнный генераль Дюфоръ сообщилъ, что въ арміи есть положительное извѣстіе о бунтѣ, что Марія-Луиза со своимъ незаконнымъ сыномъ, спаслась, а Саварі захваченъ Талейраномъ и Фуше, главными руководителями возмущенія. Говорятъ, будто изъ Вѣны пріѣхалъ курьеръ съ тѣмъ же извѣстіемъ, но я этого не утверждаю. Дай Богъ, чтобы вѣсть была вѣрна, и міръ освободился наконецъ отъ этого жестокаго и подлаго чудовища. Съ Нарышкинымъ все, начиная съ Бонапарта, обходились хорошо, но съ Винценгероде Бонапартъ обращался недостойно. Вначалѣ онъ приказалъ его разстрѣлять, но потомъ боязнь мщенія заставила его измѣнить рѣшеніе.

Петербургъ, 13 Ноября 1812 г.

Я только что вернулся изъ Казанскаго собора съ благодарственнаго молебна по поводу еще невиданной блестящей побѣды. Можно сказать, что теперь съ Французской арміей и самимъ Бонапартомъ кончены все расчеты. Не буду распространяться: ваше сіятельство найдете все подробности въ опубликованной реляціи, которую имѣю честь при семъ приложить вмѣстѣ съ нѣсколькими предъидущими донесеніями.

Скажу только, что Бонапарта едва не захватили наши охотники въ Лядахъ, гдѣ онъ отдыхалъ среди батальона гвардіи, поставленнаго въ карре. Онъ не рискнулъ войти въ селеніе и расположился рядомъ на дорогѣ. Наши охотники и казаки остановились въ 6 верстахъ, узнавъ слишкомъ поздно о его сосѣдствѣ; они опоздали только на одну часъ. Нѣтъ вѣроятія, чтобы онъ ушелъ, развѣ что бросить конвой и переодѣнется Жидомъ*), потому что все дороги заставлены нашими войсками и отрядами. Князь Кутузовъ названъ Смоленскимъ, титулъ, который въ потомствѣ будетъ воскрешать славныя воспоминанія. Георгіевская лента, какъ увѣряютъ, была ему послана на дняхъ. Ждутъ съ минуты на минуту болѣе подробнаго извѣщенія о всемъ происшедшемъ и о послѣдствіяхъ, важныхъ какъ для всего міра, такъ въ частности для Россіи. Я хотѣлъ бы быть свидѣтелемъ радости въ Англіи, когда услышатъ столько добрыхъ вѣстей; вотъ настоящая минута повторить Англійскій каламбуръ на Кутузова, сдѣлавъ изъ его имени фразу cut—us—off. Лордъ Каткаръ сказалъ мнѣ въ соборѣ, что отошлетъ курьера тотчасъ же, какъ реляція будетъ переведена на Французскій языкъ. Я пользуюсь этимъ случаемъ и, чтобы не лишиться

*) Недѣли черезъ двѣ Русскую границу Наполеонъ переѣхалъ въ Жидовской кацавейкѣ. П. Б.

его, кончаю пожеланіями вмѣстѣ съ вашимъ сіятельствомъ и всѣмъ свѣтомъ, чтобы тиранъ погибъ и далъ бы намъ покой.

Петербургъ, 7 Декабря 1812.

Бонапартъ ускользнулъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ его распоряженіи послѣ перехода Нѣмана останутся только маршалы безъ войска. Онъ составилъ новую гвардію, принявъ чинъ капитана; солдатами—офицеры Почетнаго Легіона. Окруженный этой гвардіей, онъ идетъ пѣшкомъ, чтобы остановить ропоть арміи. Французскіе солдаты болѣе не дерутся и сдаютъ оружіе безъ единого ружейнаго выстрѣла.

Петербургъ, 11 Декабря 1812.

Сегодня ждемъ мы извѣстій о прибытіи Государя въ Вильну, и я увѣренъ, что получимъ какія нибудь вѣсти объ остаткахъ Французской арміи, которая насчитывала при выходѣ изъ Вильны едва 17.000 человекъ. Ими, кажется, командуетъ Даву. Безъ сомнѣнія, при переходѣ черезъ Нѣманъ онъ долженъ былъ потерять по меньшей мѣрѣ половину. Вотъ каковы жалкіе остатки варварской орды, затопившей Россію съ намѣреніемъ унизить ее въ конецъ. Бѣдствія, заготовленныя ею для насъ, обрушиваются на тѣхъ, кто ихъ приготовилъ. У Французовъ осталось только 20 пушекъ, и есть надежда, что ихъ даже они не смогутъ увезти. Государь взялъ съ собою ленту св. Георгія, чтобы украсить ею главнокомандующаго, который заслужилъ ее по справедливости. Бонапартъ даже не вошелъ въ Вильнѣ въ домъ, приготовленный для него; князь нашелъ въ немъ полный порядокъ, какъ будто Французы позаботились именно о немъ. Бонапарта видѣли въ сѣромъ поношенномъ сюртукѣ съ дырами на локтяхъ*). Онъ принялъ имя Коленкура, и это инкогнито дало поводъ Французамъ выдумать каламбуръ *potre Collin court*. Взято обратно рѣшительно все, захваченное имъ въ Россіи, и вся Польша такъ наводнена иностранными монетами, что казаки отдають ихъ дешево за ассигнаціи.

Петербургъ, 14 Декабря 1812.

О Бонапартѣ ничего опредѣленнаго не слышно. Предполагають, что онъ самъ руководилъ боемъ подъ Ковно, но это невѣроятно, такъ какъ много раньше перешелъ Нѣманъ. Одни говорятъ, что онъ поѣхалъ въ Вѣну, другіе—въ Дрезденъ. Самое же вѣроятное, что онъ въ Данцигѣ, гдѣ еще остался гарнизонъ и небольшой корпусъ (Ожеро, приблизительно въ 16 или 18 тысячъ; нѣсколько укрѣпленныхъ позицій съ гарнизонами скроють его отъ неожиданнаго нападенія и дадутъ

*) Подробности о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи читатели найдутъ въ Запискахъ Польскаго епископа Буткевича, въ „Р. Архивѣ“ 1876 (II, 7). П. Б.

пріють на нѣкоторое время. Отданъ приказъ набирать рекрутовъ въ мѣстахъ, не выставлявшихъ ихъ еще, и это даетъ поводъ думать, что война перенесется за наши границы; думаю, что вопросъ выяснится въ Вильнѣ.

Письмо графа М. С. Воронцова къ Н. М. Лонгинову ¹⁾.

С. Андреевское, 13 Сентября 1812 г.

Наконецъ получилъ отъ васъ три письма, любезнѣйшій Николай Михайловичъ № 36, 37 и 38 и узналъ чрезъ оныя, что мое письмо съ Березовскимъ къ вамъ дошло и приложенное батюшкѣ пошло съ курьеромъ лорда Каткарта. Не могу описать вамъ, любезнѣйшій другъ, чувствованіе и признательность наиглубочайшую, наполнившія сердце мое при чтеніи милостивѣйшихъ на мой счетъ выраженій обожаемой нашей Государыни. Зная очень, что не имѣвъ еще возможности содѣлаться достойнымъ лично столь великой милости, я долженъ приписать оныя заслугамъ батюшки моего и дяди; но не меньше того благодарность моя равняется можетъ развѣ съ тѣмъ глубочайшимъ благоговѣніемъ, которое обще со всѣми нашими соотчинами я имѣю къ несравненной и дражайшей нашей Государынѣ. Продли Богъ жизнь ея и Государя нашего! Пятьдесятъ милліоновъ подданныхъ Всевышняго ежечасно о томъ просятъ, и покамѣстъ онъ намъ сохраненъ, никакой врагъ намъ страшенъ быть не можетъ. Пріятно жертвовать жизнію, когда любовь къ отечеству ничѣмъ не отдѣляется отъ любви къ своимъ государямъ, и ничто иное, какъ одно и то же.

Сегодня я вамъ мало пишу, ибо много долженъ писать въ армію съ отгѣзжающими; да и здѣсь занимаюсь разобраніемъ бумагъ ²⁾, но на дняхъ непремѣнно пространно обо всемъ къ вамъ напишу. Пушкину, прошу поклониться. Прощайте, любезный Николай Михайловичъ! Будьте здоровы и веселы.

Р. S. Вильсонъ пишетъ, что Государыня и ему велѣла мнѣ поклониться. Сдѣлайте милость, повергая меня къ стопамъ Ея Величества, увѣрьте, что новыя силы и выздоровленіе отъ такой высокой и незаслуженной милости чувствую.

Письмо мое къ батюшкѣ прочтите. Я ему объ здѣшнихъ дѣлахъ говорю.

¹⁾ Это не переводъ, а подлинникъ. Обыкновенно графъ М. С. Воронцовъ писалъ по французски.

²⁾ Богатый Воронцовскій Архивъ (котораго лишь часть обнародована въ 40 книгахъ „Архива Князя Воронцова“) находился тогда въ селѣ Андреевскомъ, откуда позднѣе перевезенъ былъ въ Одессу. Говорятъ, что послѣ 1882 г. перевозили его въ Алупку, а что теперь онъ въ Петербургѣ на Моховой, въ Шуваловскомъ домѣ. П. Б.

*

Петербургъ, 13 Октября 1812.

Кавалеръ Безерра отправляется отселъ завтра, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы отвѣтить вашему сіятельству на вопросъ вашъ о происшествіяхъ въ арміи, гдѣ вы справедливо заключаете, что не безъ интригъ было сначала и до нынѣ, къ несчастію и вреду нашему. Письмо сіе назначая для васъ единственно, или для немногихъ, коимъ ваше сіятельство сообщить заблагоразсудите, я почитаю за лучшее писать оное порусски, дабы любопытное око иностранцевъ не могло проникнуть содержаніе онаго.

Коль скоро правительство составлено изъ частей несогласныхъ между собою, нельзя ожидать, чтобы оно могло поддерживать себя иначе, какъ интригами; а сіи, распространяясь повсюду, наполняютъ всѣ мѣста, зависящія отъ онаго¹⁾. Такимъ образомъ стѣбитъ только упомянуть имена министровъ нашихъ, чтобы все понять и всѣхъ цѣнить какъ должно.

Графъ Румянцовъ одинъ, можно сказать, наибольше имѣлъ вліяніе на всѣ мѣры правительства. Если не купленъ Франціею, то изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности; всегда такъ дѣйствовалъ какъ бы на жалованьи у Бонапарта, до того, что если бывали когда минуты добраго расположенія Государя къ доброму дѣлу, то оно не иначе исполнялось, какъ мимо его. При всемъ томъ онъ вообразилъ и заставилъ многихъ о себѣ думать, что онъ Макиавель, хотя слова его нимало не похожи на сего умнаго софиста въ политикѣ. Описывать больше Румянцова было бы излишне; а довольно сказать, что онъ до начала сей войны вѣрилъ словамъ и обѣщаніямъ Бонапарта болѣе чѣмъ Евангелію, о которомъ и понятія не имѣетъ, какъ и о вѣрѣ и обязанностяхъ христіанина.

Козодавлевъ²⁾, министръ внутреннихъ дѣлъ, и есть его креатура, подлѣйшій изъ подлецовъ, знающій порядокъ и теченіе обыкновенныхъ дѣлъ и ничего никогда не знававшій кромѣ, провозглашая правила Румянцова въ своей газетѣ³⁾, много препятствовалъ сближенію Россіи съ Англіею и постоянно показывалъ себя врагомъ послѣдней. Сей глупый, впрочемъ, педантъ никакого никогда вліянія, даже понятія о

¹⁾ Тоже самое говорилъ мнѣ М. Н. Катковъ, подъ конецъ царствованія Александра II-го. По его выраженію, министерства наши воевали одно противъ другого. П. Б.

²⁾ Его настоящее фамильное имя Козь-индаленъ (Kosindahlen). Онъ воспитывался въ Лейпцигѣ въ товариществѣ съ Радищевымъ.

³⁾ „Сѣверной Почтѣ“. П. Б.

политической системѣ нашей, если то можно назвать системою, не имѣлъ. Князь Куракинъ его вывелъ въ люди, и когда просилъ себѣ въ товарищи по внутреннимъ дѣламъ, Государь самъ сказалъ ему, что онъ согрѣваетъ змѣю за пазухой: однакоже по вторичной его просьбѣ не отказалъ ему въ семъ выборѣ.

Барклай, выведенный изъ ничтожества Аракчеевымъ, который думалъ имъ управлять какъ секретаремъ, когда вся армія возненавидѣла его самого, показалъ однакоже характеръ. коего А. не ожидалъ. и съ самаго начала взялъ всю власть и могущество, которыя А. думалъ себѣ одному навсегда присвоить, но ошибся, присвоивъ ихъ мѣсту, а не себѣ, и Барклай ни на шагъ не уступилъ ему, когда вступилъ въ министерство. Я почитаю, сколько могу судить, что Барклай есть честный, тяжелый Нѣмецъ, съ характеромъ и познаніями, кои однакоже недостаточны для министра. При томъ, не имѣя ни связей, ни могущихъ друзей, онъ одинъ стоялъ противъ всѣхъ бурь, пока наконецъ Ольденбургская фамилія¹⁾ и Сперанскій, какъ утверждаютъ, приняли его въ покровительство.

Траверсе, по сходству положенія своего съ Барклаемъ, нашелъ въ немъ одномъ. можно сказать, товарища и друга; но въ дѣлахъ никогда ничего не значилъ.

Гурьевъ человекъ съ хорошими правилами и довольно честный, но пренеспособный къ мѣсту и дѣламъ, поддерживаемый Толстымъ, Голицынымъ и другими придворными, часто боролся со Сперанскимъ, но устоялъ, не имѣя почти никакихъ сношеній съ прочими товарищами своими, и въ дѣлахъ кромѣ своей части никогда голоса не имѣлъ.

Н., полиціи министръ, другого ремесла въ вѣкъ не имѣлъ какъ шпіонство, бывъ долго въ Москвѣ и здѣсь полицмейстеромъ. Подлой должности и поручить нельзя, какъ душѣ подлой, которой никто не могъ себя ввѣрить или вступить съ нимъ въ связь. Онъ много дѣлалъ зла, добра немногимъ, а въ политикѣ ничего не смыслить.

Разумовскій²⁾, начальникъ и покровитель Московскихъ Мартинистовъ, зарывшись въ ботанику и метафизику, былъ и есть находкою для всѣхъ педантовъ, подъ именемъ ученыхъ, кои все могли дѣлать, лишь бы не нарушали его лѣнности и покоя, и вездѣ въ ученыхъ обществахъ ввели правила такія, кои въ одной Франціи покровительствуемы. Стоитъ назвать Московскій и Дерптскій университеты, чтобы

¹⁾ Т. е. великая княгиня Екатерина Павловна, ея супругъ, свекоръ и деверь. П. Б.

²⁾ Старшій сынъ гетмана, Алексѣй Кирилловичъ, отецъ Перовскихъ, министръ народнаго просвѣщенія. П. Б.

изобразить Геттингенскій, гдѣ не знаютъ ни Бога, ни закона. Сперанскій глубоко проникнулъ и для достиженія своей цѣли разсудилъ, что надобно революцію начать съ образованія юношества безъ разбора, по своимъ правиламъ, въ предоразсужденіе дворянству и заслугамъ предковъ. Ему надобно было не Завадовского*), а того, кто бы ему не мѣшалъ. Разумовскій выполнилъ сію цѣль, въ прочихъ дѣлахъ не участвуя.

Дмитріевъ, пита, человекъ прямой и честный, немного Мартинистъ, шелъ своею дорогою, не входя въ большія связи; кромѣ съ стариннымъ пріятелемъ Балашевымъ и съ Разумовскимъ съ прочими онъ мало знался и дѣлалъ одни свои дѣла.

Министерство, такъ составленное, не могло почти дѣйствовать. Для него надобна была душа; нашлась она въ Сперанскомъ, къ несчастію Россіи. Креатура Кочубея. Самъ Кочубей, вывезшій изъ Парижа знаменитый планъ Совѣта (правительства всеобщаго преобразованія) сталъ у него секретаремъ и исполнителемъ; самъ Румянцовъ, при всей гордости своей, былъ у ногъ его. Онъ преобразовалъ правительство, воспитаніе, армію, финансы. Сенатъ остановилъ его, тогда какъ разрушеніе онаго было начертано, и великій творецъ онаго забыть. Образованіе Сената продолжалось въ Совѣтѣ нѣсколько мѣсяцевъ; въ послѣднемъ засѣданіи по сему предмету недостойнаго отца (Николая Ив. Салтыкова) предостойный сынъ Александръ Н. имѣлъ духъ подписать журналъ такъ: „остаюсь при своемъ мнѣніи, а журналъ подписываю по волѣ Его В-ва, изъявленной мнѣ черезъ государственнаго секретаря“. Нѣсколько другихъ было противъ разрушенія стараго зданія Сената, почему Государь остановился, хотя большинство и было на сторонѣ Сперанскаго, и совершеніе сего дѣла отложено, пока политическія сношенія наши заставили обратить въ другую сторону вниманіе. Сперанскій и тутъ сталъ душою; онъ создалъ для себя такое мѣсто, что мимо его ничто не могло и не должно было пройти. Румянцовъ, Барклай, даже Ольденбургская фамилія, имѣли въ немъ нужду. Кочубей гордился, что вывелъ на сцену столь великаго мужа, и думалъ, что онъ посредствомъ Сперанскаго все дѣлаетъ и все вѣдаетъ. Какъ онъ ошибся, когда, послѣ случившагося съ нимъ катастрофа, увидѣлъ, что у Сперанскаго никто кромѣ Магницкаго не былъ въ секретѣ и еще нѣсколькихъ низшихъ его креатуръ и что онъ былъ ничто иное, какъ глупый и сильный покровитель цѣлой шайки измѣнниковъ и предателей.

До сихъ поръ неизвѣстно завѣрно, въ чемъ состояла вина сихъ ссылочныхъ; но вообще вѣроятнѣе почитается слѣдующее обстоятель-

*) Котораго смѣнилъ графъ Разумовскій въ должности министра. П. Б.

ство. Когда война была рѣшена и планъ оной окончательно принятъ, всѣ мѣры распорядены и докладъ военнаго министра утвержденъ, вдругъ бумаги сіи пропали изъ портфеля военнаго министра, который обыкновенно хранился у полковника Воейкова, флигель-адъютанта и управлявшаго канцеляріею военнаго министра. На допросъ его, куда дѣлись бумаги, Воейковъ отвѣчалъ: не знаю. Барклай тотчасъ возвратился къ Государю, не оставилъ ли ихъ у него въ кабинетѣ; ихъ не нашли. По возвращеніи, Воейковъ говоритъ, что онъ отдалъ ихъ списать статск. сов. Болховскому, который былъ секретаремъ комиссіи составленія военнаго уложенія; отъ сего перешли онѣ къ Магницкому и Сперанскому, такъ что съ трудомъ отыскали сіи бумаги, кои почитались величайшею тайною извѣстною только Его Величеству, Барклаю и Воейкову. На допросъ Болховской и Воейковъ отвѣчали, на вопросъ, для чего нужна была копія, что Сперанскій ея потребовалъ, и что они нашли нужнымъ ему въ томъ повиноваться, а спросить позволенія не имѣли времени, или не почли нужнымъ. Для чего могли быть нужны Сперанскому и Магницкому сіи военныя распоряженія, была вещь подозрительная и, по опечатаніи ихъ бумагъ, особливо послѣдняго, подозрѣнія сіи оказались основательными. Въ то же время оказалось, что Сперанскій велъ переписку въ шифрахъ, кои требовалъ по произволію отъ дѣйств. ст. сов. Бека, въ Иностранной Коллегіи, мимо гр. Румянцова и чрезъ посредство экспедитора канцеляріи послѣдняго Жервѣ. Какъ сей, такъ и Бекъ показали, что государственный секретарь, имѣя право объявлять именныя указы, они не могли отказать ему въ шифрахъ тѣмъ болѣе, что онъ именно не велѣлъ имъ спрашивать о томъ канцлера. Однимъ словомъ, нѣтъ сомнѣнія, что Лористонъ имѣлъ сіи бумаги и даже успѣлъ отправить въ Парижъ, такъ какъ, наканунѣ ссылки виновныхъ, отправленъ былъ адъютантъ его, который даже стрѣлялъ по нашему фельдъегерѣ, который его объѣхалъ близъ Риги совѣмъ по особенному порученію, а не для поимки его. Всѣ назначенія и распоряженія по арміямъ были уже сдѣланы, и всѣ мѣста наполнены людьми преданными симъ измѣнникамъ, по большей части, такъ какъ вся власть и люди въ ихъ рукахъ были: ибо Сперанскій былъ все въ имперіи, такъ какъ Магницкій, военный законодатель, съ Воейковымъ и Болховскимъ дѣлали все, что ни заблагоуразсудили по военному департаменту. Люди сіи почти всѣ остались при мѣстахъ въ арміи. Можно ли чего хорошаго отъ нихъ ожидать? Недавно графъ Михайло Семеновичъ поймалъ одного въ семь родѣ, который былъ при начальникѣ генеральнаго штаба 2-й арміи, по имени маркизъ Делезеръ, который часто отлучался и любилъ ѣздить на аванпосты и парламентаромъ. Графъ М. С. приказалъ слѣдовать за нимъ

и, когда оказалось, что онъ совсѣмъ не былъ тамъ, гдѣ сказалъ, подозрѣнія сдѣлались основательными, и онъ принужденъ былъ сказать о томъ начальнику его графу С. При, который по допросѣ и отправилъ его къ графу Растопчину, гдѣ подозрѣнія дознаны справедливыми. Послѣ сего неудивительно, что въ бумагахъ Себастьяни нашли распоряженія и планъ движенія 2-й арміи. Сей Лезеръ былъ корпуснымъ адъютантомъ у Дохтурова, но нашелъ выгоднѣе быть при источникѣ всѣхъ военныхъ дѣйствій, и успѣлъ. Можно было предвидѣть, что Сперанскій и ему подобные не однимъ Лезеромъ армію наградили; но у насъ никогда ничего не додѣлывается: довольствовались сослать главныхъ, а прочихъ безъ вниманія оставили. Воейкову еще дана бригада въ дѣйствующей арміи, гдѣ онъ и теперь находится. Почему онъ меньше другихъ виновенъ, не знаю. Впрочемъ, можно ли почестъ наказаніемъ и ссылкой тѣхъ, коихъ предать смертной казни было бы мало? Сперанскій въ Нижнемъ Новгородѣ чуть не былъ закиданъ камнями¹⁾ и послѣ не сталъ показываться; а Магницкій въ Вологдѣ громогласно вездѣ проповѣдывалъ вольность, что и побудило его уехать далѣе.

Чтобы докончить исторію сихъ людей, скажу, что Сперанскій есть сынъ одного дьячка²⁾, воспитывался въ здѣшней семинаріи и потомъ училъ Русской грамотѣ побочныхъ дѣтей князя Александра Б. Куракина, который и помѣстилъ его на службу. Будучи надворнымъ совѣтникомъ, онъ поступилъ къ графу Кочубею въ министерство внутреннее и пошелъ въ чины и знать, имѣя способности и даръ хорошо писать. Кочубей и Сперанскій были два педанта, кои ничего не сдѣлали кромѣ вѣчныхъ образованій и преобразованій, такъ что въ пословицу вошло подъ именемъ *образованія* и *соображенія* разумѣть ихъ двоихъ. Самое пустое незначащее мѣсто, вновь учреждаемое, получало томы *наставленій*, *правилъ* и *предписаній*, кои и до исполненія никогда не могли дойти. Сперанскій женился послѣ на дочери одной Англичанки, бывшей при дворѣ нянькою; имѣетъ дочь, и теща у него живетъ и внучку воспитываетъ, а жена умерла. Онъ былъ въ Эрфуртскомъ вояжѣ, гдѣ отмѣнно былъ обласканъ Бонапартиемъ; видно, что Коленкуръ его хорошо описалъ. Часто видѣли сего посла верхомъ у Сперанскаго по утрамъ, тогда какъ онъ еще не былъ государственнымъ секретаремъ. Зачѣмъ и почему, никто не любопытствовалъ узнать: а цѣлый городъ про то зналъ. Человѣкъ сей прошелъ всѣ департаменты правительства, былъ у Лопухина и Новосильцова по Министерству Юстиціи и былъ извѣстный взяточникъ. Полагаютъ, что

¹⁾ Графъ Растопчинъ изъ Москвы посылалъ своихъ людей оберегать въ Нижнемъ Сперанскаго отъ оскорбленій со стороны престоляродья. П. Б.

²⁾ Не вѣрно: сынъ священника. П. Б.

имѣніе его неисчетно, и кромѣ деревень онъ имѣеть 11 каменныхъ домовъ здѣсь и множество капиталовъ; но навѣрно никто того не знаетъ, и большая часть домовъ, говорятъ, куплены на имя Злобина, купца, коего сынъ ему своякъ и имъ на службѣ получилъ чины, мѣста и жалованье, кромѣ того, что отецъ по торговлѣ и процессамъ своимъ имѣлъ въ Сперанскомъ подпору и защиту, а въ спекуляціяхъ товарища.

Магницкій изъ самыхъ бѣдныхъ дворянъ. Отецъ его почти милостынею питался въ Москвѣ, пока сынъ доставилъ ему мѣсто, чинъ, ленту, пенсію и жалованье. Началъ онъ служить въ Иностранной Коллегіи, былъ въ Парижѣ при Марковѣ, откуда почти былъ высланъ. По возвращеніи сюда онъ написалъ письмо покойному графу Александру Романовичу, который правила и мысли его нашелъ толь непристойными и дурными, что приказалъ его изъ Коллегіи исключить. Кочубей, протекторъ всей сволочи, и его къ себѣ прибралъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и довелъ его до статсъ-секретаря съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и лентою, въ 30 лѣтъ отъ роду. Женился онъ на какой-то Француженкѣ изъ модной лавки, братьевъ и родню ея вывелъ въ люди и въ мѣста и, ничего не имѣя, кромѣ жалованья, содержалъ пышно всю сію семью и самъ жилъ какъ Лукуллъ; никто даже не спросилъ, чѣмъ и какъ?—О прочихъ зачѣмъ упоминать? Свой своего ищеть.

Описавъ такимъ образомъ корень всего зла, можно удобнѣе приступить къ отраслямъ, кои не меньше имѣли вліянія на нашу армію. Нѣкто Фуль, который принятъ изъ Прусской въ нашу службу генераль-майоромъ, былъ творцомъ нашего плана войны. Человѣкъ сей имѣеть большія математическія свѣдѣнія, но есть не иное, какъ Нѣмецкій педантъ и совершенно имѣеть видъ пошлаго дурака. Онъ самый начерталъ планъ Іенской баталіи и разрушенія Пруссіи. Барклай и Ольденбургская фамилія покровительствовали его какъ Нѣмца, Сперанскій какъ человѣка нужнаго, или по крайней мѣрѣ ни въ чемъ ему не мѣшающаго. Многіе не безъ причины почитаютъ его шпиономъ и измѣнникомъ. Кто и какъ его сюда выписалъ, неизвѣстно; только онъ послѣ Тильзита здѣсь очутился. О планѣ его и говорить нѣтъ нужды: онъ былъ слишкомъ виденъ по всѣмъ происшествіямъ войны. Барклай, исполнитель онаго, Нѣмецъ въ душѣ, привлекшій ненависть всѣхъ Русскихъ генераловъ, у коихъ онъ былъ недавно въ командѣ, соединяющій гордость съ грубостью, положилъ за правило никого не видѣть и не допускать. Все его общество состояло изъ нѣкоего Веймарскаго барона Фольцогена, адъютанта Левенштерна и другого Нѣмца

же. На всѣхъ ихъ были большія подозрѣнія, особливо на перваго, который неизвѣстно какъ и зачѣмъ при немъ очутился, не будучи даже на нашей службѣ. Въ главной квартирѣ кромѣ Нѣмецкаго языка и слова не слышно. Солдаты главнокомандующаго не видѣли и не знали кромѣ въ дѣлѣ противъ непріятеля, гдѣ онъ всегда оказывалъ много храбрости и присутствія духа; но все, что касалось до распоряженій прежде и послѣ дѣла, при непрерывномъ отступленіи послѣ успѣховъ, казалось непонятнымъ, а о движеніяхъ непріятеля не иначе узнавали, какъ когда оныя уже были произведены въ дѣйство, тогда какъ наши казались ему извѣстными. До Смоленска винить Барклая нельзя (онъ исполнялъ предписанный планъ); но послѣ Смоленска, когда предписано ему дѣйствовать наступательно, и онъ имѣлъ къ тому способы, одержавъ значущій успѣхъ, отразивъ непріятеля, оправдать его трудно, тѣмъ больше, что большая часть генераловъ доказали ему возможность удержать позицію, которая одна могла закрыть Москву. Многіе поставляютъ его на одной доскѣ со Сперанскимъ, но несправедливо, кажется; а вѣроятно, что послѣдній въ выборѣ семъ участвовалъ....*)

Князь Багратіонъ, хотя и неучъ, но опытный воинъ и всѣми любимъ въ арміи, повиновался, но весьма неохотно, Барклаю, который его моложе, хотя и министръ. Впрочемъ онъ долгъ свой исполнилъ и соединился съ нимъ, несмотря на всѣ препятствія и трудности. Послѣ Смоленска онъ писалъ Государю, что онъ готовъ повиноваться кому угодно, даже и Барклаю, но что сей командовать не способенъ и всѣ солдаты ропщутъ. Изнурили ихъ напрасно, половину растеряли для того, чтобы Москву и знатную часть Россіи разорить, тогда какъ свѣжими еще войсками въ началѣ можно было непріятеля остановить. Государь самъ былъ свидѣтелемъ, когда, въ бытность его въ Видзахъ, корпусъ гр. Шувалова (нынѣ графа Остермана-Толстого) почти громко закричалъ: измѣна! По рапорту о семъ графа Шувалова, его смѣнили и планъ по старому продолжали исполнять, пока наши, что не по нашему, а по своему плану непріятель дѣйствуетъ. Въ Дриссѣ узнали, что непріятель устремился на Смоленскъ; въ военномъ совѣтѣ положено туда идти. Государь потерялъ голову и узналъ, что война не есть его ремесло, но все не переставалъ во все входить и всему мѣшать. Графъ Аракчеевъ уговорилъ его ѣхать въ Багратіонову армію съ собою. Лишь коляски тронулись съ мѣста, онъ велѣлъ ѣхать въ Смоленскъ, а не въ Витебскъ и объявилъ ему, что ему должно ѣхать въ Смоленскъ

*) Точки въ подлинникѣ. П. Б.

и Москву, учредить новыя силы, а что въ арміи присутствіе его не только вредно, но даже опасно. Говорять, что Аракчеевъ взялся быть исполнителемъ общаго желанія всѣхъ генераловъ. Маркизь Пауллуччи, Піемонтець и человѣкъ съ большими свѣдѣніями, при Государѣ въ военномъ совѣтѣ, на предложеніе Фуля ретироваться снова сказалъ: что тотъ, кто похоронилъ Пруссію и ея армію въ Іенѣ, не можетъ быть какъ измѣнникъ или глупецъ и готовить подобный жребій Россіи. Государь приказалъ ему выйти, и отступленіе продолжалось—вотъ и до Москвы дошло. Ольденбургцы, поддерживая Фуля и его мнѣніе, даже изъяснялись насчетъ нашихъ Русскихъ генераловъ весьма нехорошо. Генераль-адъютантъ князь Трубецкой сказалъ одному изъ нихъ, что онъ счастливъ быть зятемъ Государя: иначе онъ ему бы показалъ, что Русскіе генералы значатъ. Ненависть въ войскѣ до того возрасла, что если бы Государь не уѣхалъ, неизвѣстно, чѣмъ все сіе кончилось бы.

Вся публика кричала: Кутузова послать! Кутузовъ былъ здѣсь и трактованъ, какъ всякій офицеръ. не смотря на прошлую кампанію и на миръ съ Турками, о коихъ даже и слова не сказано ему по пріѣздѣ Государя. пока наконецъ онъ самъ не сталъ требовать объясненія, дурно ли, хорошо ли онъ сдѣлалъ, и что онъ желаетъ знать мнѣніе Государя. Тутъ и сторговались съ нимъ выбрать княжескій титулъ или женѣ портретъ. Наконецъ, когда дѣло зашло и за Смоленскъ, нечего дѣлать: надобно послать Кутузова поправить то, что уже близко къ разрушенію. Увы! Москва не спасена, не смотря на 26 Августа, стоившее намъ до 30.000 героевъ. Вотъ каковы слѣдствія Ольденбургцовъ, Сперанскихъ, Фулей, Барклаевъ! Богъ знаетъ, что впередъ случится. Никогда не слыхано, чтобы судьба всей арміи и цѣлой имперіи ввѣрялась человѣку, хорошо командовавшему бригадою или дивизіею и который нетерпимъ подчиненными, ненавистенъ солдатамъ. Если Россія устоитъ послѣ толь ужаснаго испытанія достоинствъ главнокомандующаго, то одному Провидѣнію и своему народу тѣмъ обязаны будемъ, а не правительству. Поляки уже были въ нашихъ границахъ, а Румянцовъ увѣрялъ, что войны не будетъ, быть не можетъ, что то были какіе ни есть сумасбродныя головы (*têtes égarées*) Поляковъ, коихъ голодъ или пьянство заставили войти въ наши предѣлы. Генералы почти не имѣли предписаній, полагаясь на увѣренія Румянцова, и когда Багговуту рапортовали, что Французы переходятъ у Ковно Нѣманъ, онъ не повѣрилъ, какъ получа вторичный рапортъ. Иностранцы Армфельдъ и Пауллуччи, бывшіе съ Государемъ, говорили какъ Русскіе; жаль, что Русскихъ не ставятъ въ такое мѣсто, гдѣ говорить должно за себя—все Нѣмцы! Слава Богу, что случился тутъ Аракчеевъ,

лично злодѣй большей части генераловъ и Гатчинскій тиранъ войскамъ, но патріотъ извѣстный, преданный отечеству и Государю. Безъ его рѣшимости и присутствія духа чего должно бы ожидать? Онъ же совѣтовалъ отозвать великаго князя и..... повѣсу, которые снова просились въ армію, но ихъ не пустили. Они тамъ только нужны гдѣ нужно все разстроить; обоихъ можно бы для сего Французамъ уступить. Ваше сіятельство увидите со временемъ, чего будетъ намъ стоить сія..... фамилія. Далеко уже и теперь они власть свою простираютъ: не вижу, гдѣ останутся, особливо съ извѣстнымъ правомъ и надменностью видовъ великой княгини. Герцогъ Виртембергскій, находясь въ арміи съ тѣхъ поръ, какъ Витебскъ нами оставленъ, напротивъ, оказалъ много пользы, пособій и даже познаній, съ твердостью и присутствіемъ духа. Послѣ отступленія изъ Смоленска, если бы онъ не навелъ двухъ мостовъ чрезъ болото, о чемъ Барклай не думалъ, можетъ быть, вся армія пропала бы.

Ваше сіятельство еще до полученія сего узнаете о вступленіи Французовъ въ Москву. Сіе случилось вслѣдствіе военнаго совѣта, который былъ созванъ и въ коемъ Беннигсенъ и Коновницынъ, генераль-лейтенантъ, предлагали защищать Москву; прочіе всѣ были оставить оную, въ томъ числѣ и князь Кутузовъ, несмотря на то, что при отъѣздѣ отсюда и по прибытіи въ армію онъ объявилъ, что непріятель не иначе вступитъ въ сію древнюю столицу, какъ по его мертвому трупу. Видно, были важныя причины, кои заставили отступить и не произвести въ дѣйство первоначальнаго плана защищать ее, какъ Сарагосу. Если то справедливо, что сначала Кутузовъ отступилъ 15 верстъ по Рязанской и Тульской дорогѣ, а теперь опять лѣвымъ крыломъ занялъ Можайскъ, то можетъ статья, что непріятель обойденъ и долженъ выйти, чтобы открытъ себѣ путь; ибо Нижегородская, Ярославская, Костромская, Владимирская и другія милиціи могутъ ему попрепятствовать идти далѣе со всѣми силами, особливо имѣя въ тылу цѣлую армію, недавно сражавшуюся съ успѣхомъ подъ Можайскомъ и усиленную корпусомъ вновь сформированныхъ войскъ подъ командою князя Лобанова и милиціями. Съ другой стороны, корпусъ отдѣльный бар. Винценгероде находится около Клина до 28.000 человекъ, прикрывая Ярославскую и Тверскую дороги и посылая отряды на Волоколамскъ. Многія письма, кои я самъ видѣлъ, полагаютъ, что дѣла наши чрезъ отдачу Москвы много выиграли; но кромѣ того, что почти невозможно преградить совершенно путь арміи до 200.000 простирающейся, зло (морально судя) потери столицы есть пятно для чести народной и можетъ произвести въ народѣ печальныя слѣдствія, если духъ начнетъ упадать и жаръ остынетъ. Чтобы предупредить

сіи пагубныя послѣдствія, надобно немедленно дѣйствовать наступательно. Надѣюсь, что князь Кутузовъ сего не упуститъ; но съ 4-го числа извѣстій отъ него нѣтъ. Вооруженный Московскій народъ, который графомъ Раstopчинымъ удивительно былъ электризованъ, подъ именемъ клича, вышелъ съ нимъ въ числѣ 63.000 человѣкъ и соединился съ арміей. унесъ съ собою запасовъ, сколько возможно; прочіе всѣ истреблены или вывезены заблаговременно, такъ какъ и наши раненые и больные, коихъ было до 11.000 человѣкъ. Всѣ войска, регулярныя и нерегулярныя, кои должны быть нынѣ съ Кутузовымъ, полагають въ 225.000 человѣкъ. Тормасовъ и Чичаговъ получили повелѣнія дѣйствовать немедленно на Смоленскъ.

Все сіе, если не замѣшкается, будетъ имѣть важныя слѣдствія; но если станутъ долго откладывать, можетъ быть только для будущаго полезно, такъ какъ Шведская высадка и занятіе Мадрита Велинктономъ. Намъ же теперь настоятъ нужда въ дѣйствіяхъ немедленныхъ, какихъ спасеніе Россіи и Европы требуютъ. Безъ того вся Польша и цѣлый свѣтъ на насъ возстанутъ; въ Польшѣ и самыя преданныя покинутъ насъ и возьмутъ его сторону. Въ два мѣсяца будетъ противу насъ 100.000 войска, которое доселѣ не существовало. И теперь уже говорятъ, что Бонапарте Поляковъ и нашихъ, оставшихся назади больныхъ и усталыхъ, поставилъ у себя десятими въ войскахъ; что же будетъ послѣ? Барклай винятъ наиболѣе, что цѣлая армія донинѣ въ бездѣйствіи и отдаленности оставлена. Въ самомъ дѣлѣ, выключая Тормасову армію, дѣйствующую противъ Австрійцевъ и Саксонцевъ, резервъ его до 30.000 оставленъ въ Житомирѣ безъ всякаго движенія и пользы, такъ какъ и резервный корпусъ подъ командою Эртеля до 25.000 въ Черниговѣ и Мозырѣ, Бобруйскій гарнизонъ 26 батальоновъ и корпусъ 15.000, бывшій въ Крыму и Одесѣ, которому давно бы слѣдовало придти.

Безъ сомнѣнія, не будучи военнымъ, трудно судить о сихъ распоряженіяхъ; но коль скоро солдаты вслухъ кричатъ, что Барклай съ Сперанскимъ въ измѣнѣ, кажется, и оправдать его во всемъ трудно. Если бы сначала дали команду Кутузову или посовѣтовались съ нимъ, и Москва была бы цѣла, и дѣла шли бы иначе; но предубѣжденія противу него съ Австрійской кампаніи, гдѣ онъ впрочемъ нисколько не виновенъ, доселѣ остались непреклонными, даже когда отечество стало на краю гибели. Государь даже и не начиналъ говорить съ нимъ про войну. Кутузовъ почелъ обязанностью говорить о томъ и доказалъ, что планъ былъ самый необдуманнѣйшій и войска были расположены не по военнымъ правиламъ и болѣе похоже на кордонъ противу чумы. Хотя и поздно, принялись за него; но по крайней мѣрѣ надежда

остаётся, что отечество не погибнетъ, и что почтенный сей старикъ, и военными способностями, и опытностью, и именемъ своимъ можетъ спасти и поправить дѣла. Чтò до Москвы, знающіе положеніе мѣстъ и войскъ доказали, что, отдавши Смоленскъ, ее удерживать было бы безразсудно. Съ часу на часъ ожидаемъ теперь о случившемся въ арміи съ 4-го числа извѣстій; они должны быть важны и рѣшительны. Одно къ утѣшенію намъ остаётся, что Государь и не думаетъ о мирѣ и рѣшился никакихъ предложеній не принимать, хотя бы дѣло дошло до Казани и Архангельска. Вчера Императрица, говоря о слухахъ, разсѣваемыхъ злонамѣренными людьми на счетъ мира, именно мнѣ поручила, если о томъ будетъ рѣчь при мнѣ, противорѣчить, и позволила даже на нее ссылаться. Не меньше тому доказательствомъ и то служить, что съ полученія вѣстей о занятіи Москвы укладка архивовъ и пр. продолжается во всѣхъ департаментахъ правительства и другихъ казенныхъ мѣстахъ. Кажется, сіе совершенно напрасно: ибо нельзя думать, чтобы непріятель рѣшился сюда идти; развѣ несчастье довело бы насъ потерять всю армію безъ остатка, чего при помощи Бога случиться не должно и не можетъ. Также объявленное вчера назначеніе Татищева посланникомъ къ Гишпанской юнтѣ и барона Строгонова въ Швецію не меньше почестъ можно доказательствами, что миръ съ Бонапарте теперь больше еще отдаленъ, чѣмъ при вступленіи его въ наши предѣлы. Румянцовъ долженъ быть въ отчаяніи; но я давно уже сказалъ, что онъ на все готовъ, лишь бы остаться при мѣстѣ, изъ коего иначе не выдетъ, какъ тогда, когда со стыдомъ его изъ онаго выгонять. Теперь онъ одного изъ находящихся въ его канцеляріи, князя Козловскаго*), посылаетъ гласить по городу, что публика кричитъ противу Румянцова и что Государь не долженъ уступить и позволить духу революціи и факціи повелѣвать правительству и его мѣрамъ; что если теперь уступить, то чрезъ три мѣсяца народныя вопли стануть требовать перемѣны всякаго другого министра, а потомъ и до Государя дѣло можетъ дойти; что въ Россіи не должно быть и несогласно съ ея правительствомъ народному духу или гласу, тогда какъ отечество одному сему духу обязано своимъ спасеніемъ. Таковы мысли Румянцова, коими онъ поддержать себя хочетъ и вѣроятно надѣется утѣшить Государя. Въ Або, когда Бернадотъ коснулся нашей политики и неспособности Румянцова, говорятъ, государь назвалъ его своимъ другомъ (ami), и что Бернадотъ отвѣчалъ, что онъ и не станеть болѣе касаться до такого предмета, который относился

*) Это князь Петръ Борисовичъ, впоследствии извѣстный своимъ умомъ, остроуміемъ и обжорливостью. П. Б.

до собственныхъ чувствій Государя. Назначеніе Татищева и Строгонова служить однакоже невольню великимъ знакомъ сихъ чувствій, ибо оно есть отъ выбора Государя, и Румянцовъ въ вѣкъ ихъ не назначилъ бы никуда. Между тѣмъ мы вездѣ и во всемъ опоздали по крайней мѣрѣ 6 мѣсяцевъ: въ мирѣ съ Турціею, въ мирѣ съ Англіею, въ союзѣ съ Швеціею, въ высадкѣ Шведскихъ войскъ, однимъ словомъ во всѣхъ сношеніяхъ нашихъ. Если планъ Румянцова былъ, чтобъ вездѣ опоздать и при взятіи Москвы миръ заключить, какой ни есть: онъ успѣлъ въ предположеніяхъ, но ошибся въ послѣдствіи. Умышленно ли онъ дѣйствовалъ или отъ глупости, заключеніе одно, что онъ измѣнникъ и врагъ отечества, за какого и всѣ его почитаютъ. При отъѣздѣ Государя въ армію, во время молебствія въ Казанской церкви, всѣ взоры на него обращены были, и только не доставало зачинщика, чтобы онъ былъ растерзанъ народомъ. Много можно бы еще примѣчаній сдѣлать, но ваше сіятельство сами изъ сего сдѣлаете всѣ прочія заключенія. Отъ графа М. С., по причинѣ прерваннаго сообщенія между Москвою и сей столицею, писемъ нѣтъ. Есмь на вѣкъ преданный Л.

Р. С. Я забылъ упомянуть, что генералъ Бенигсенъ находился въ арміи во все время при Государѣ, или чтò называлось *при особѣ Ею Величества*. Сіе новое званіе сдѣлано для него, Аракчеева, Армофельда, Чичагова, въ которое и Зубовъ попалъ въ Вильнѣ уже. Это былъ родъ военнаго совѣта, котораго не слушались, и спрашивали только въ крайности и безъ намѣренія слѣдовать мнѣнію его. Бенигсенъ игралъ роль, которая, я думаю, удивляла его и совѣмъ не была пріятною. Вообще странно совѣтоваться въ исполненіи плана съ тѣми людьми, кои въ составленіи онаго не участвовали. По отъѣздѣ Государя изъ арміи повелѣно Барклаю и Багратиону во всемъ совѣтоваться съ Бенигсеномъ и дѣйствовать *съ его согласіемъ*, но не *по его приказаніямъ*, т. е. онъ былъ родъ дядьки безъ всякой власти. Бенигсенъ, не смотря на болѣзнь свою, выполнилъ сіе желаніе. остался въ арміи, хотя ни тотъ, ни другой изъ главнокомандующихъ его не спрашивали. Послѣ Смоленскихъ несчастій, Государь предлагалъ ему главное начальство, отъ чего онъ отказался по двумъ причинамъ, кои дѣлаютъ ему честь: первое, что онъ не въ силахъ ни физически, ни морально принять на себя столь великое бремя, зная, что есть человекъ способнѣе его; второе, что для Русскихъ войскъ надобно Русскаго начальника, особливо въ такое время, когда нужно ихъ одушевить и ободрить. Кутузовъ, по мнѣнію его, соединялъ всѣ таковыя качества съ извѣстными его способностями, почему и объявилъ, что онъ охотно подъ нимъ служить будетъ. Пока сіе происходило, роптаніе въ войскахъ до того

усилилось, что онъ почелъ нужнымъ и благопристойнымъ удалиться въ Вязму; а при отступленіи изъ Дорогобужа войскѣ почти взбунтовались и громогласно требовали Бенигсена. Сіе побудило его оставить въ Вязмѣ экипажи и поскорѣе далѣе удалиться. Князь Кутузовъ нашель его близъ Торжка, и такимъ образомъ оба сіи генералы и старинные друзья возвратились въ армію и нашли ее уже въ Гжати. Бенигсенъ теперь есть первый по главнокомандующемъ и генераль-квартирмейстеръ всѣхъ дѣйствующихъ армій. Здѣсь Нѣмцы кричали за Палена; но къ чести Бенигсена онъ былъ пружиною, что Русскимъ Русскаго дали начальника, хотя самъ Нѣмецъ. Теперь Нѣмцы опять вопять Палена, съ тѣхъ поръ какъ Москва потеряна; но, испытывая генераловъ, какъ Барклая, можно и армію, и имперію потерять сразу: ибо Паленъ кромѣ бригады вѣкъ ничѣмъ не командоваль, а что до головы его, которую такъ славятъ, то не всякая голова способная къ революціи можетъ управлять арміею противъ Бонапарта.

Что я не ошибся, полагая потерю нашу въ вѣчныхъ отступленіяхъ, видно будетъ изъ того, что Барклаева армія состояла изъ 135 т. чел. и Багратионова изъ 65-ти, а въ Дорогобужѣ сочлось обѣихъ вмѣстѣ 84 т. чел. Гдѣ прочіе дѣвались? Безъ сумнѣнія ни убиты, ни всѣ въ плѣнъ взяты, а растеряны по дорогѣ больными, ранеными, усталыми, кои къ нимъ не возвратились. Непрiятель столько же терялъ, но всѣ къ нему возвращались, такъ какъ онъ шель впередъ, а мы отступали. Не лучше ли было пожертвовать половиною сей потерянной арміи въ дѣлѣ, когда она была полна и дышала мщеніемъ и жаромъ сразиться съ непріателемъ? Если бы корпусъ Милорадовича, вновь формированный, и Московская милиція не подошли къ Можайску, то не было бы съ чѣмъ сраженіе дать непріателю, который имѣлъ 160 т. по крайней мѣрѣ, и весьма вѣроятно, что вся армія наша была бы истреблена, не выдавъ даже Москвы. Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла!

Слава Богу, что надежда не потеряна къ исправленію. Кутузовъ, Строгановъ, самъ Бенигсенъ, хотя и былъ противнаго мнѣнія, пишутъ, что отдачею Москвы ничего не потеряно; напротивъ, Строгановъ говорить, что непріятель отъ сего обмана долженъ понести такую потерю, какой онъ не воображаетъ. Дай Богъ! Отперли ворота; коли удастся запереть, сомнѣнія нѣтъ, что ему будетъ худо. Но я не вещественнаго, а моральнаго зла боюсь, какъ выше упомянулъ.

Кочубей былъ въ арміи, никто не знаетъ зачѣмъ, и почти все время прожилъ въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ, въ премиломъ обще-

ствѣ канцлера и свиты ихъ обоихъ, составленной изъ людей имъ подобныхъ. Кочубей, будучи членъ совѣта и только, не касаясь ни до какой части правленія, въ немъ надобности тамъ не было. Онъ самъ напросился, и Государь не могъ отказать ему въ его настоятельной просьбѣ. Онъ думалъ чрезъ то утушить народный крикъ противу себя по исторіи Сперанскаго, котораго даже послѣ защищать и оправдывать хотѣлъ. Но ничто не обмоетъ сего пятна. Человѣкъ ничтожный въ характерѣ, пустой въ дѣлахъ, надменный въ видахъ, игрушка измѣнниковъ и негодяевъ, онъ впалъ въ такое презрѣніе, что вся публика отъ него отступилась, и Государь не можетъ безъ стыда видѣть его и вспомнить, что онъ могъ имѣть на него вліяніе. Одна умная женщина сдѣлала сравненіе, что онъ и Румянцовъ оба сидятъ въ лужѣ, съ тою разницею, что послѣдній радъ и доволенъ вѣкъ тамъ сидѣть, а Кочубей и радъ бы выйти, но силъ не достаетъ и долженъ по неволѣ тамъ остаться*).

Я могъ во многомъ ошибиться, но описалъ все, что знаю.

*) Любопытно, что подобнаго же мнѣнія былъ о Кочубей и Пушкинъ, имѣвшій возможность видать Кочубея, когда посѣщалъ жившую у него въ домѣ Н. К. Загряжскую. По воячинѣ Кочубея (1834) Пушкинъ занесъ о немъ цѣлую страницу въ свой дневникъ, доселѣ неизданную. П. Б.